

Ш. 19
Вып. № 5.

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

А. ФОН-ШАМИССО

2/79
A. VON CHAMISSE

— 1781 — 1838 —
2/787

ЧУДЕСНАЯ ИСТОРИЯ
ПЕТЕРА ШЛЕМИЛЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРЕДИСЛО-
ВИЕМ Ф. БРАУНА

3974
5656
ИЗДАШЕНО

П Е Т Е Р Б У Р Г
— 1919 —

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
при Народном Комиссариате по Просвещению

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эту сказку,—одну из самых знаменитых сказок мировой литературы, — написал немецкий поэт Адельберт фон-Шамиссо в такой момент своей жизни, когда у него было очень тяжело на душе. По происхождению он был не немец, а француз, из очень знатного и богатого когда-то рода графов Шамиссо де-Бонкур, и родился 27-го февраля 1781 года в родовом замке своей семьи Бонкур, в северо-восточной Франции. Когда разразилась великая французская революция, его родители в 1790 году спаслись бегством в Германию, взяв с собою, конечно, и девятилетнего сына, будущего поэта. Не легко жилось им на чужбине. Сын был принят на службу при берлинском дворе в качестве пажа, потом вышел в офицеры. Но, хотя он постепенно и сроднился с новой родиной,—настолько, что он даже остался в Германии, когда его семья получила возможность вернуться во Францию,—все же положение его оставалось тяжелым и стало особенно тяжким, когда началась война с Францией и ему, прусскому офицеру, пришлось выступить в поход против своего родного народа—французов. Он этого не вынес и вышел в отставку.

Бездомным чувствовал он себя, оторванным от почвы, потерявшим родину.

У всякого человека есть родина, как неотъемлемое достояние. Он с нею рождается, с нею живет, с нею умирает. Это так естественно, так само собою разумеется, что человек обыкновенно даже не задумывается над этим, как не задумывается он над тем, что у него есть глаза, которыми он видит, ноги, которые его несут. Он не замечает этого, а потому и не ценит настоящего; он не отдаст себе отчета в том, какое благо заключается в этом слове—родина, и как тяжело было бы жить без нее. Ты можешь радоваться ее радостью, болеть за нее душой, но утратить ее ты не боишься. Ведь она всегда тут, всегда при тебе, где бы ты ни находился, она прикреплена к тебе, идет за тобой следом—как тень.

Нужны исключительные обстоятельства, чтобы потерять родину, действительно почувствовать, что не имеешь ее. И тогда только поймешь ты, что утратил: страну, взлелеявшую твоё детство, куда тебя всегда будет тянуть, где бы ты ни находился; страну, которая имеет право рассчитывать на твой труд в борьбе за существование и за идеалы человечества. Именно такие обстоятельства наступили в жизни нашего поэта. От одних отстав, он не пристал к другим. Он как бы повис в воздухе. Он, быв-

ший прусский офицер, не мог уйти и вместе со своими соплеменниками — французами поднять меч на Германию, пригrevшую его, чужестранца, окружившую его любовью товарищей и многочисленных друзей. Но не мог он также участвовать в борьбе с Францией, где находилась его родная семья, куда звал его голос крови; ~~не~~ мог без боли в душе слышать те возгласы злобы и вражды, которые раздавались вокруг него по адресу Франции. Тяжестью большой скорби легла на его душу утрата родины. Что ему было делать? Куда деваться? Вывели его из затруднения друзья, предложившие ему тихий приют в одном богатом графском имении близ Берлина, но в стороне от разыгравшейся мировой войны. Он принял это предложение, и вот тут-то, в тиши лесов и полей, вдали от шума и тревоги борьбы, он написал свою причудливую сказку про Петера Шлемиля, — про человека, утратившего свою тень.

Это было летом 1813 года, — свыше ста лет тому назад. Но какую свежестью и жизненностью дышит еще теперь его простой, незатейливый рассказ! Мы, вместе с его бедным героем, переживаем все его под'емы и падения, — ужас перед нарастающим вокруг него людским презрением, его разочарование в золоте, которое должно было вознаградить его за утерянную тень, его тщетные попытки освободиться от нависшего над ним кошмара, наконец — его

победу над собой, добровольный отказ от золота и мирской суеты, уход из людского общества. Он понял, что не в этом обществе, не в оценке людей, а в себе самом он должен искать исцеления от душевного недуга. И он находит это исцеление, ушедши в науку. Все это мы переживаем вместе с героем сказки, и переживаем так живо именно потому, что оно глубоко пережито самим автором, и в каждом слове его героя дрожит и плачет душа поэта. Как Петер, так и сам Шамиссо сумел справиться с собой; как Шлемиль, так и Шамиссо ушел в науку и нашел в ней утешение и покой, пробегая все страны света и углубляясь в изучение вечнопокойной, неустанно творящей, бесконечно разнообразной природы. По окончании войны с Францией, поэт принял участие в кругосветном плавании, снаряженном по почину русского правительства на русском парусном судне „Рюрик“. С образцовой точностью и отчетливостью он описал это путешествие в одном из своих позднейших трудов и сделался знаменитым естествоиспытателем. Но не забыта была им и поэзия, и не мало написал он прекрасных, задумчивых стихов, прославивших его имя и сделавших его одним из популярнейших поэтов Германии. Это помогло ему сродниться с чужим по крови народом; Германия стала для него настоящей родиной, и он умер, всеми любимый и уважаемый, в Берлине 21-го августа 1838 года.

Но особенно прославила его именно сказка о Петере Шлемиле. Она вскоре, задолго до смерти поэта, была переведена на все европейские языки, между прочим и на русский, и до настоящего времени она все снова и снова переиздается и читается детьми и взрослыми все с тем же удовольствием и интересом. И прочитав ее теперь, читатель поймет, что она этого стоит. Он не отождествит бедного Шлемила вполне с личностью поэта: ведь Шамиссо никогда не продавал своей тени за золото. Переиначивать, переставлять факты в интересах правдивой художественности рассказа—неотъемлемое право поэта. Но читатель оценит меткую яркость повествования, рисующего нам самые фантастические происшествия в обстановке самой привычной будничной действительности. Он заметит и тихую, грустную улыбку, не сходящую с лица поэта во время рассказа, и поймет, вместе с нами, какое неопценное благо—иметь родину, и как бесконечно печальна была бы ее утрата.

Ф. Браун.

ЧУДЕСНАЯ ИСТОРИЯ ПЕТЕРА ШЛЕМИЛЯ.

I.

После счастливого, для меня же очень тягостного морского путешествия мы, наконец, достигли гавани. Прибыв к берегу на лодке, нагрузил я себя самого крохотным своим имуществом и, пробираясь сквозь кишачий народ, пошел в ближайший скромный дом, на котором видел вывеску. Я спросил комнату, слуга смерил меня взглядом и повел в помещение под самой крышей. Я велел принести свежей воды и попросил подробно указать, где мне найти господина Томаса Джона:—«За городом, перед Северными Воротами, первая вилла по правую руку, большой, новый дом из красного и белого мрамора со множеством колонн».—Ладно.—Было еще рано; я тотчас же развязал свой узелок, вынул свой только что перелицованный заново черный кафтан, оделся чистенько в самое лучшее платье, захватил рекомендательное письмо, и отправился в путь к человеку, который должен был быть мне полезен в скромных моих надеждах. Пройдя длинную Северную улицу и достигнув ворот, увидел я вскоре мерцание колонн сквозь зелень; «так здесь, значит», подумал я. Носовым платком стер я пыль с ног, поправил галстук и, благословясь, дернул за колокольчик. Дверь открылась. В сенях я подвергся допросу, но швейцар велел доложить

обо мне, и я имел честь быть позванным в парк, где господин Джон прогуливался в кругу немногочисленных знакомых. Я тотчас же узнал этого человека по сиянию его дебелого самодовольства.

Он принял меня очень хорошо, как богатый бедного малого, даже повернулся ко мне, не отворачиваясь, однако, от остального общества, и взял из моих рук протянутое письмо. — «Так, так! От моего брата; я давно о нем ничего не слышал. Он, надеюсь, здоров?.. Там», — продолжал он, обращаясь к обществу, не дожидаясь ответа, и показал письмом на какой-то холм, — «там я прикажу вывести новую постройку»... Он взломал печать, не оставляя разговора, который подошел к вопросу о богатстве. — «Кто не владеет, по крайней мере, хоть одним миллионом», — бросил он, — «тот, да простится мне это слово, негодяй!»

— «О, какая правда!» — воскликнул я от глубины чувств. Это, должно быть, понравилось ему, он улыбнулся мне и сказал: — «Останьтесь здесь, мой друг, потом, может быть, у меня будет время сказать вам, что я об этом думаю», — он указал на письмо, которое затем спрятал, и вновь обратился к обществу. Он предложил руку одной молодой даме, другие господа пригласили других красавиц, всяк по своему вкусу, и все потянулись к холму, обсаженному цветущими розами.

Я плелся* позади, никому не мешая, потому что ни одна душа не заботилась больше обо мне. Общество было очень развязно, дурачились, шутили, говорили иногда серьезно о вещах легкомысленных, о важных же чаще легкомысленно, и привольней всего сыпались остроты над от-

существующими друзьями и их делами. Я был слишком чужим, чтобы понять многое из всего этого, и слишком озабочен и углублен в себя, чтобы интересоваться подобными загадками. Мы достигли розовой рощи. Красавица Фанни, как казалось, царица дня, из каприза хотела сама сломить цветущую ветку. Она накололась на шип и, точно сок темной розы, потекла кровь по ее нежной руке. Это событие всполощило все общество. Искали английского пластыря. Пожилой, тихий, тонкий, сухощавый, длинный человек, шедший рядом со мной, но которого я раньше не заметил, тотчас сунул руку в плотно прилегающий боковой карман своего старомодного серого кафтана, вынул оттуда маленький бумажник, открыл его, и подал даме, почтительно поклонившись, требуемое. Она приняла, не обратив внимания и не поблагодарив подателя; рану перевязали и пошли дальше на холм, с гребня которого, поверх зеленого лабиринта парка, хотели насладиться далеким видом неизмеримого океана. Вид был и вправду величествен и прекрасен. Светлая точка показалась на горизонте между темной влагой и синью неба. — «Подзорную трубу!» — воскликнул Джон, и, прежде чем засуетились подбежавшие на зов слуги, серый человек, скромно поклонившись, уже засунул руку в карман камзола, вынул оттуда прекрасный Доллонд *) и вручил его господину Джону. Тот, сейчас же приложив его к глазу, сообщил обществу, что это корабль, вы-

*) Джон Доллонд (+ 1761 г.) знаменитый английский ученый, изобретатель усовершенствованной подзорной трубы. Вместе со своим сыном он основал в Лондоне мастерскую оптических приборов, славившуюся во всем мире в конце XVIII века.

шедший вчера, но задержанный противными ветрами в виду гавани. Подзорная труба переходила из рук в руки, но к собственнику не возвращалась; я же удивленно смотрел на этого человека и не мог понять, как могла такая большая машина вылезть из крохотного кармана; это, казалось, никого не поразило, и больше не заботились о сером человеке, как и обо мне самом.

Подали угощение—редкие плоды всех широт в драгоценнейших сосудах. Господин Джон не принуждено и изящно исполнял обязанности хозяина и тут во второй раз обратился ко мне: —«Кушайте, кушайте, этого у вас на море не было».—Я поклонился, но он не заметил, он уже говорил с кем-то другим.

Общество с удовольствием расположилось бы на склоне холма против развернувшегося вида, если бы не боялось сырости.—«Было бы дивно, высказался один из гостей, если бы были турецкие ковры, разложить их здесь». — Не успело желание быть высказано, как уж человек в сером камзоле засунул руку в карман и, с сугубой почтительностью, старался вытащить оттуда богатый, затканый золотом, турецкий ковер. Слуги приняли ковер, как будто бы оно так и должно было быть, и развернули его на указанном месте. Все немедленно уселись на нем; я же снова, пораженный, посмотрел на человека, на карман, на ковер, длиной в двадцать, а шириной шагов в десять, и тер себе глаза, не зная, что думать, тем более, что никто не находил в этом ничего замечательного.

Я охотно узнал бы, кто этот человек, только не знал к кому обратиться с этим вопросом, потому что я, пожалуй, еще больше боялся гос-

под служащих, чем служаемых. Наконец, я собрался с духом и подошел к какому-то молодому человеку, показавшемуся мне не таким важным, как остальные, и остававшемуся чаще других в одиночестве. Я тихо попросил его сказать мне, кто этот услужливый господин в серой одежде. — «Тот, похожий на конец нитки, выскочившей из портновской иголки?» — «Да, тот, что стоит один». — «Его я не знаю», — дал он ответ и, кажется, для того, чтобы избежать со мной длинного разговора, отвернулся и заговорил о каких-то пустяках с другим.

Солнце засветило сильнее и стало в тягость дамам; красавица Фании небрежно обратилась к серому господину, с которым, насколько я заметил, еще никто не заговаривал, с легкомысленным вопросом, нет ли у него при себе палатки? Он ответил ей глубоким поклоном, как будто незаслуженная честь выпала на его долю, а рука его была уже в кармане, откуда, я увидел, показались полотнища, железки, шесты, веревки, словом все принадлежности великолепной палатки. Молодые люди помогли установить ее, и она протянулась во всю величину ковра, — но никто не нашел в этом ничего необыкновенного.

Мне давно уже было жутко, даже страшно-вато, но что сделалось со мной, когда при следующем выраженном желании я увидел, как он вытащил из кармана трех верховых лошадей... Да, говорю тебе, трех больших вороных, с седлами и сбруей! Нет! ты подумай только! Трех оседланных лошадей из того же кармана, откуда уже появились бумажник, подзорная труба, тканый ковер, двадцати шагов в длину и десяти в ширину, палатка такой же величины и

все к ней принадлежащие шесты и железки! Еслиб я не заверял тебя, что видел все это собственными глазами, ты бы, конечно, не поверил.

Хотя сам этот человек казался смущенным и смиренным и другие не обращали на него внимания, все же его бледный облик, от которого я не мог отвести глаз, был мне так страшен, что я не мог больше переносить его.

Я решил тихонько удалиться от общества, что, при той незначительной роли, которую я играл в нем, казалось мне легко выполнимым. Я хотел вернуться в город, на другое утро снова попытать счастья у господина Джона и, если бы у меня хватило смелости, расспросить его о странном сером человеке.

Ах! Еслиб только удалось мне тогда же уйти! Я, правда, уже счастливо прокрался сквозь заросли роз вниз по холму и был уже на открытой лужайке, когда из боязни быть замеченным в том, что иду по траве, минуя дорожки, бросил вокруг себя испытующий взгляд. Как испугался я, увидав, что человек в сером камзоле идет за мной и прямо направляется ко мне. Он тотчас же снял шляпу и так низко поклонился, как еще никто мне не кланялся. Не было сомнения, он хотел заговорить со мной, и я, если не хотел быть грубым, не мог избежать этого. Я тоже снял шляпу, поклонился в ответ и, словно приросши к месту, стоял на солнце с непокрытой головой. Со страхом пристально смотрел я на него, и был, как птичка, очарованная змеей. Он сам казался очень смущенным; он не поднимал взгляда, несколько раз поклонился, подошел поближе и заговорил со мной тихим, неуверенным голосом, точно нищий.

— «Да простит мне господин мою навязчи-

5656

вость, если я осмеливаюсь искать его, не будучи представлен. У меня до вас есть просьба. Удостоьте милостиво...» — «Помилуйте, государь мой!» — вымолвил я в страхе, — «что могу я сделать для человека, который...» — мы смутились оба и, как мне казалось, покраснели.

После недолгого молчания, он снова заговорил. — «За то короткое время, что я имел счастье провести в вашем обществе, я, милостивый государь, неоднократно — позвольте мне сказать вам это — вправду с невыразимым восхищением наблюдал прекрасную тень у ваших ног, которую вы отбрасываете на солнце, сами того не замечая, с некоторым благородным презрением. Простите мне и в самом деле несколько смелое предложение. Не найдете ли вы возможным уступить мне эту вашу тень?»

Он умолк, а в голове у меня точно мельничные колеса завертелись.

57656
Что было мне делать с этим странным предложением купить мою тень? Он, должно быть, сумасшедший, подумал я, и измененным тоном, более подходившим к его покорности, возразил ему так: — «Как, друг мой, разве вам недовольно своей собственной тени? Вот уж торговля совсем особенного сорта!» — Он тотчас же подхватил: — «В моем кармане найдется кой-что, что покажется господину не совсем нестоящим; за эту бесценную тень, по-моему, самая высокая плата недостаточна».

Мне опять стало не по себе, так как он напомнил о кармане, и я не понимаю, как осмелился я назвать его другом. Я снова заговорил и нытался, насколько возможно, изысканной вежливостью исправить свою ошибку.

«Не, милостивый государь, простите ва-

шему покорнейшему слуге. Я, вероятно, не совсем хорошо понимаю вас, как могу я свою тень...» — Он прервал меня: «Я прошу только вашего позволения, поднять на этом самом месте вашу благородную тень и спрятать ее; как я это сделаю, это — мое дело. Взамен же, в знак моей признательности господину, я предоставляю ему выбор между всеми сокровищами, которые ношу при себе в кармане: настоящую разрыв-траву, корень мандрагоры *), неразменный рубль, скатерть-самобранку, оруженосца Роланда, висельного человечка за сходную цену **) не это все, вероятно, не подойдет вам: лучше Фортунатову шапочку, новѣ, носка, заново отделана; или его неисчерпаемый кошелек ***). — «Кошелек Фортуната!» — подхватил я, и как ни велик был мой страх, он одним этим словом овладел всеми моими помыслами. У меня закружилась голова, а перед глазами точно двойные дукаты замерцали.

— «Прошу покорно господина осмотреть и испробовать этот кошелек», — он сунул руку в карман, вытащил средней величины, прочно сшитый кошелек из крепкой кордуанской кожи с двумя солидными кожаными шнурами и вру-

*) Мандрагора — род растений, встречающийся в Южной Европе и в Азии. Крупные корни его слегка напоминают, по своей форме, человеческую фигуру. По народному поверью, обладание таким корнем делает человека богатым.

**) Фигурка человека, вырезанная из корней мандрагоры (см. выше). По старинному поверью, такая фигурка предохраняла обладателя от всяких болезней, указывала место нахождения кладов и т. п.

***) Фортунат — герой старой немецкой сказки. Он владел шапочкой, при помощи которой мог в любое время перенестись в любое место, и кошельком, в котором никогда не переводились деньги: сколько бы ни брать оттуда золотых монет, всегда в нем оказывалось столько же.

чил его мне. Я запустил в него руку и вытащил оттуда десять золотых, потом еще десять, потом еще десять и еще десять... Быстро протянул я ему руку:—«Есть! Торг состоялся, за кошелек берите мою тень».—Он ударил по руке, тут же наклонился и я увидел, как он с удивительной ловкостью отделил от травы мою тень с головы до пят, скатал ее, бережно сложил и, наконец, спрятал в карман.

Он встал, еще раз поклонился и ушел назад в розовую рощу. Мне показалось, я услышал там тихий его смех. Я же крепко держа кошелек за пинурки, вокруг меня солнце ярко озарило землю, и я еще не пришел в себя.

II.

Наконец, я опомнился и поспешил покинуть это место, где, я надеялся, мне больше нечего было делать. Сперва я наполнил карманы золотом, потом повязал шнуры кошелька вокруг шеи, а самый кошелек спрятал на груди. Незамеченным вышел я из парка, достиг дороги и направился к городу. Когда я, задумавшись, подходил к воротам, услышал я за собой оклик:—«Молодой барин! молодой барин! Послушайте!»—Я оглянулся, какая-то старуха кричала мне вдогонку:—«Остерегитесь же, барин, вы потеряли свою тень».—«Спасибо, бабушка!»—Я бросил ей золотой за благожелательный совет и вступил в тень деревьев.

У ворот мне снова пришлось услышать от часового:—«Куда это господин девал свою тень?»—и вслед за этим от нескольких женщин:—«Иезус, Мария! Бедный человек! У него нет тени!»—Это начинало тяготить меня и я тша-

тельно избегал выходить на солнце. Но не всюду это удавалось, например, на широкой улице, которую мне, прежде всего, пришлось перейти, и как раз, на мое несчастье, в то время, когда мальчики возвращались из школы. Какой-то окаянный горбатый повеса, я и теперь его вижу, тотчас заметил, что у меня нет тени. Громким криком выдал он меня собравшейся вкуче школьной уличной молодежи, которая немедленно начала меня критиковать и забрасывать грязью: «Порядочные люди, мол, стараются брать свою тень с собой, когда идут на солнце». Чтоб отделаться, бросил я им пригоршню золота и прыгнул в наемный экипаж, который добыли для меня сострадательные души.

Как только почувствовал я себя наедине с самим собой в громыхающем экипаже, я горько заплакал. Я уже начинал догадываться, что, насколько золота на земле перевешивает добродетель и заслугу, настолько тень ценится еще дороже золота; и как я раньше пожертвовал своей совестью богатству, так теперь я отдал за обыкновенное золото свою тень. Что могло, что должно было выйти из меня на этом свете!

Я был еще очень расстроен, когда экипаж остановился у моей старой гостиницы. Испугавшись мысли еще раз вступить в эту скверную чердачную комнату, я приказал принести свои вещи, взял с презрением бедный узелок, бросил несколько золотых и велел ехать в лучшую гостиницу. Дом выходил на север, мне нечего было бояться солнца. Я золотом уплатил кучеру, велел отвести мне лучшие комнаты, выходящие на улицу, и при первой возможности заперся в них.

Как ты думаешь, что я начал делать?—Ах,

мой дорогой Шамиссо, даже говоря это тебе, я краснею. Я вытащил из-за пазухи несчастный кошель и с каким-то разгоравшимся во мне, словно пылающий пожар, неистовством вытаскивал золото, золото, золото и все только золото и рассыпал его по полу, и шагал по нем, и звенел им, теша свое бедное сердце блеском и звяканьем, и бросал все больше и больше металла к металлу, пока, наконец, усталый сам, не опустился на богатое ложе и, наслаждаясь роскошью, стал рыться и валяться на нем. Так прошел день, вечер, я не открывал дверей, ночь застала меня лежащим на золоте, а там осилил меня сон.

И приснился мне ты, будто стою я за стеклянной дверью твоей материнской комнатки и вижу тебя за столом за работой между скелетом и пучком засушенных растений, перед тобою лежали раскрытыми Галлер, Гумбольд и Линней *), на твоём диване том Гете и Волшебное кольцо **), я смотрел долго то на тебя, то на вещи в твоей комнате, потом опять на тебя, но ты не трогался, ты даже не дышал, ты был мертв.

Я проснулся. Было как будто еще рано. Часы мои стояли. Я был весь разбит, к тому же голоден и хотел пить; я ничего не ел со вчерашнего утра. С негодованием и отвращением оттолкнул я от себя золото, еще несчастно тешив-

*) Знаменитые ученые естествоиспытатели: швейцарец Альбрехт Галлер (1703—1777), немец Александр фон-Гумбольдт (1769—1859) и швед Карл Линней (1707—1778).

**) Роман всемирного писателя де-ля Мот-Фука, вышедший в 1813 году, т. е. в том самом году, когда писалась эта сказка, и потому представлявший последнюю литературную новинку. См. наше предисловие.

шее мое глупое сердце; теперь я не знал, что с ним делать. Так нельзя было оставить его—я попробовал, не поглотит ли его опять кошелек—нет. Ни одно из окошек моих не выходило на море. Я принужден был, с трудом, обливаясь потом, таскать и прятать его в большой шкаф, стоявший в кабинете при моей комнате. Только несколько приютишек оставил я. Справившись с этой работой, усталый, разлегся я в кресле и ждал, чтобы в доме задвигались люди. При первой возможности велел я дать себе поесть и позвать хозяина.

С ним обсудил я будущее устройство своего дома. Он порекомендовал мне для ближайших услуг моей персоне некоего Бенделя, чья преданная и смысленная физиономия сразу понравилась мне. Он-то, своей привязанностью утешая меня, сопровождал меня с тех пор в несчастной жизни моей и помогал мне нести печальный жребий. Весь день проводил я в своей комнате с досужими слугами, сапожниками, портными и торговцами; я устраивался и покупал особенно много драгоценностей и камней, чтобы хоть отчасти освободиться от накопленного золота; но мне казалось, что куча никогда не уменьшится.

А между тем боязненные сомнения о моем положении томили меня. Я не осмеливался ступить ни одного шагу за свою дверь, и вечером, прежде чем выйти из темноты, велел зажигать сорок восковых свечей в зале. С ужасом вспоминал я страшную сцену со школьниками. Как ни много мужества понадобилось мне, но я решился еще раз испытать общественное мнение о себе.

Ночи в это время были лунные. Поздно ве-

чером накинул я широкий плащ, низко надвинув на глаза шляпу и, дрожа, как преступник, выбрался из дому. Только на отдаленной площади выступил я на лунный свет из тени домов, под чьей защитой пробрался я так далеко, и готовился узнать свою судьбу из уст прохожих.

Позволь мне, милый друг, не повторять с болью в душе всего, что довелось мне испытать. Женщины часто высказывали глубокое сострадание, внушенное им мною; эти мнения терзали мне душу не меньше издевок молодежи и высокомерного презрения мужчин, в особенности таких толстых, дородных, отбрасывавших широкие тени. Красивая, милая девушка, повидимому, следовавшая за своими родителями, которые степенно смотрели себе под ноги, случайно кинула на меня светлый взгляд; было очевидно, что она испугалась, заметив мою бесстенность,—она закрыла вуалью свое прелестное лицо, опустила голову и молча прошла мимо.

Больше я не мог выдержать. Горькие потоки вырвались из моих глаз и, с растерзанным сердцем, пошатываясь, отошел я снова в тень. Мне пришлось придерживаться за стены домов, чтобы шаги мои стали уверенными, и тихо и поздно дошел я до гостиницы.

Ночь я провел без сна. На другой день первой моей заботой было велеть повсюду искать человека в сером кафтане. Может быть, мне удастся снова найти его. Какое счастье, если глупая сделка тяготит его так же, как меня! Я позвал Бенделя, он казался смышленным и расторопным, я описал ему человека, владеющего сокровищем без которого жизнь моя—сплошная мука. Я сказал ему время и место, где ви-

дел его; описал всех присутствовавших и дал еще такой признак: пусть он справится о доллондской подзорной трубе, о затканном золотом турецком ковре, о великолепной палатке и, наконец, о воровых верховых лошадях, потому что их история (я не указал, как) связана с загадочным человеком, казавшимся таким незначительным, но разбившим своим появлением счастье и покой моей жизни.

Высказав все это, я принес, сколько мог поднять, золота и прибавил к нему много драгоценностей.—«Бендель,—сказал я,—это выравнивает многие пути и облегчает многое, кажущееся невозможным; не скупись, как я не скуплюсь, но иди и порадуй своего господина известиями, на которых покоится вся его надежда». Он пошел. Поздно и печальный вернулся он. Никто из людей господина Джона, никто из его гостей,—он говорил со всеми,—не мог даже приблизительно припомнить человека в сером кафтане. Новый телескоп стоял там, но никто не знал, откуда он; ковер и палатка были разбиты на том же самом холме, слуги перевозносили богатство своего господина, и никто не знал, как попали к нему эти новые драгоценности. Сам он находит в них удовольствие и его ничуть не беспокоит неведение, откуда они; лошади стояли в конюшнях молодых людей, скакавших на них, и молодые люди перевозносили щедрость господина Джона, подарившего им в тот день этих лошадей. Вот все, что выяснилось из обстоятельного рассказа Бенделя, чье ретивое усердие и толковая исполнительность получили мое вполне заслуженное одобрение, несмотря на столь бесплодный исход. Я мрачно сделал ему знак оставить меня одного.

— «Я доложил вам,—продолжал он снова,— об обстоятельствах, для вас самых важных. Мне осталось только исполнить поручение, данное мне сегодня рано утром каким-то человеком, встреченным мною у дверей, когда я шел по делу столь неудачному для меня. Подлинные слова этого человека были: «Скажите господину Пестеру Шлемлю, что он меня больше здесь не увидит, потому что я отправляюсь за море, и попутный ветер зовет меня сейчас же в гавань. Но через год я буду иметь честь самолично навестить его и предложить другую, может быть, приемлемую для него сделку. Передайте ему мой покорнейший поклон и уверьте его в моей признательности». Я спросил его, кто он такой, но он ответил, что вы его знаете».

— «Каков он с виду?»—воскликнул я, догадываясь. И Бендель описал мне до последних мелочей человека в сером кафтане, так же точно, как он описывал в предыдущем своем рассказе человека, которого должен был разыскать.

— «Несчастный,—закричал я, ломая руки,— да, ведь, это был он сам!»—и у него точно повязка с глаз спала.—«Да, ведь, и взаправду это был он!»—воскликнул он испуганно,—«а я, слепой дурень, не узнал его, не узнал и предал своего господина!»

Горько плача, принялся он честить себя последними словами так, что отчаяние его вызвало сострадание во мне. Я утешал его, уверил его несколько раз, что не сомневаюсь в его верности и послал его сейчас же в гавань найти, где только можно, следы необыкновенного человека. Но в это утро множество судов, залеганных противными ветрами, вышло из гавани, все в различные стороны света, все направляясь

к различным берегам, и серый человек исчез бесследно, как тень.

III.

Что крылья накрепко прикованному к цепи? Его отчаяние только сильнее. Я лежал, как Фафнер *) на своих сокровищах, без общения с людьми, терпя нужду, несмотря на золото; сердце мое не лежало к этому золоту, напротив, я проклинал его, потому что благодаря ему увидел я себя отрезанным от жизни. Тая про себя всю мрачную тайну, боялся я последнего слуги, в то же время завидуя ему; ведь у него была тень, он смел показываться на солнце. Дни и ночи печалился я в одинокой своей комнате, и горе грызло мое сердце.

Еще один человек мучился у меня на глазах,—мой верный Бендель не переставал втихомолку попрекать себя, что обманул доверие милостивого своего господина и не узнал того, за кем был послан и с кем, думал он, тесно связана моя печальная судьба. Я же не мог винить его,—по этому событию догадывался я о загадочной натуре незнакомца.

Чтобы испытать все, послал я однажды Бенделя с дорогим брильянтовым кольцом к знаменитейшему живописцу города, прося навестить меня. Он пришел, я удалил людей, замкнул дверь, подсел к нему и, после похвал его искусству, с тяжестью в сердце подошел к сути дела,

*) По древне-скандинавскому преданию—великан, который в образе дракона адала от людских поселений, в пустыне стережет несметные сокровища, которые он добыл, унеся своего отца.

но прежде я потребовал у него обещания строгого молчания.

— «Господин профессор», — продолжал я, — «могли бы вы человеку, благодаря несчастнейшему в мире случаю, лишившемуся своей тени, сделать фальшивую тень?»

— «Вы говорите об откидной тени?»

— «Вот именно».

— «Но», — спросил он меня снова, — «благодаря какому несчастью, благодаря какой оплошности мог он потерять свою откидную тень?»

— «Как это произошло?» — возразил я, — «не все ли равно, но если вы желаете», — бессовестно лгал я ему, — «в России, где он путешествовал прошлой зимой, однажды на ужасном морозе, тень его так крепко примерзла к земле, что он уж не мог отодрать ее».

— «Фальшивая откидная тень, которую я мог бы написать ему», — возразил профессор, — «была бы только такой, что при малейшем движении он снова потерял бы ее, в особенности, если он так не прочно был привязан даже к своей собственной прирожденной тени, как это выясняется из вашего рассказа: у кого нет тени, тот не ходи на солнце — это и верней и благоразумней». — Он встал и удалился, причем бросил на меня пронзительный взгляд, которого я не мог выдержать. Я упал в кресло и закрыл лицо руками.

Таким нашел меня Бендель, войдя в комнату. Он увидел горе своего господина и хотел потихоньку почтительно удалиться. Я взглянул — я изнемогал под тяжестью горя, мне необходимо было поделиться им. — «Бендель!» — позвал я его. — «Бендель, ты один только видишь и чтишь мое страдание, не желая узнать в чем оно; ты

только тихо и смиренно сочувствуешь ему; пойди ко мне, Бендель, и будь самым близким моему сердцу. Сокровищ своего золота не запираю я от тебя, не хочу запираю от тебя и сокровищ моего горя. Бендель, не покинь меня. Бендель, ты видишь меня богатым щедрым, добрым, ты воображаешь, что свет должен бы прославлять меня, и видишь меня бегущим света и запирающимся от него. Бендель, свет произнес надо мной свой приговор и отверг меня; быть может, и ты отвернешься от меня, когда узнаешь мою страшную тайну. Бендель, я богат, щедр, милостив, но—о Боже!—у меня нет тени!»

— «Нет тени?» — испуганно воскликнул добрый малый, и светлые слезы хлынули из его глаз. — «Горе мне, что я родился служить господину без тени!» — Он замолчал, а я закрыл лицо руками.

— «Бендель», — с дрожью прибавил я потом, — «ты знаешь теперь мою тайну, ты можешь пойти и выдать ее. Иди и показывай против меня».

Он, казалось, выдерживал тяжелую борьбу с самим собой, но, наконец, бросился передо мной на колени и схватил мою руку, которую облил слезами. — «Нет», — воскликнул он, — «что бы ни сказал свет, я не могу и не брошу моего милостивого господина из-за тени. Я поступлю по совести, не по разуму, я останусь при вас, буду вам одалживать свою тень, помогать вам, в чем смогу, а где не смогу, буду плакать вместе с вами». — Я обнял его, пораженный столь непривычным отношением; я был уверен, что он делал это не из-за денег.

После этого судьба моя и образ жизни не-

сколько изменились. Нельзя описать, как заботливо Бендель умел скрывать мой недостаток. Всюду бывал он передо мной или со мной, все предвидя, принимая меры и, если опасность бывала неожиданной, поспешно прикрывал меня своей тенью, так как был больше и толще меня.

Так вновь осмелился я показываться на людях и начал играть роль в свете. Я должен был для виду принять много странностей и причуд. Но это идет богатым людям и, пока правда была скрыта, пользовался я почетом и значением, добавившим моему золоту. Уже спокойнее ожидал я посещения, обещанного таинственным незнакомцем через год.

Я хорошо чувствовал, что мне нельзя оставаться долго на месте, где меня уже видели без тени и где меня легко могли выдать; к тому же, хотя, может быть, только я один и думал о первом своем посещении господина Джона, но это было тяжелым воспоминанием, и я решил сделать тут только пробу, чтобы чувствовать себя свободнее и увереннее в другом месте. Но нашлась вещь, задержавшая меня на некоторое время, благодаря тщеславию моему: в этом чувстве брошенный якорь всегда находит в человеке самую надежную почву.

А именно, красавица Фанни, опять встреченная мною уже в другом месте, уделила мне немного внимания, не вспоминая, что встречалась со мною раньше, так как теперь я был и умнее и остроумнее. Когда я говорил, слушали, и я сам не знаю, как дошел я до искусства овладевать разговором и легко вести его. Впечатление, видимо, произведенное мною на красавицу, сделало из меня глупца, чего, собственно, она и добивалась, и я следовал за ней, преодолевая

тысячи препятствий, по сумеркам и тени, куда только мог. Я только и был занят тем, как бы занять ее собою, но несмотря на все старания не мог перенести в сердце чада любви, наполнившего только мою голову.

Но к чему пространно и подробно пересказывать тебе всю эту пошлую историю? Ты сам неоднократно рассказывал мне ее о других почтенных людях. Старая и хорошо известная история эта, в которой я добродушно взял на себя избитую роль, кончилась, правда, совсем оригинальной катастрофой, неожиданной для меня, для нее, для всех.

Однажды, прелестным вечером, по обыкновенно собрав в саду общество, гуляя я под руку со своей дамой в некотором отдалении от прочих гостей и старался занимать ее разговорами. Она скромно смотрела вниз перед собой, отвечая легким пожатием на пожатие моей руки; вдруг сзади неожиданно из-за тучи выступил месяц — и Фанни увидела перед собой только свою тень. Она вздрогнула, испуганно посмотрела на меня, потом опять на землю, ища глазами мою тень, и все ее переживания так удивительно отражались на ее лице, что я залился бы громким смехом, если бы у меня самого не бегали по спине мурашки. Почти в обмороке выпустил я ее из своих рук, стрелой промчался меж пораженных гостей, достиг дверей, бросился в первый попавшийся экипаж, стоявший там, и вернулся в город, где, на свое несчастье, оставил в этот раз осторожного Бенделя. Он испугался, увидев меня, но одно слово открыло ему все.

Сейчас же привели почтовых лошадей. Я взял с собой только одного из слуг, отъяснен-

ного мошенника, по имени Раскала, сумевшего стать мне необходимым своею расторопностью и не могшего еще ничего знать о сегодняшнем случае. Еще в эту же ночь проехал я тридцать миль. Бендель остался, чтобы развязаться с домом, раздать кому следовало деньги и привезти мне самое необходимое. Когда он на следующий день догнал меня, я бросился в его объятия и поклялся ему отнюдь не в том, что не стану больше делать глупостей, а лишь в том, что буду впредь осторожнее. Мы непрерывно продолжали свое путешествие через границу, через горы, и только на противоположном склоне, отделенный от той несчастной страны высоким горным валом, остановился я по дороге в близлежащем, мало посещаемом курорте отдохнуть от перенесенных трудов.

IV.

В своем рассказе я принужден буду быстро пробежать один промежуток времени, на котором я так охотно остановился бы, если бы был в силах вызвать в памяти его животворящий дух. Но краска, оживлявшая и могущая снова оживить его, иссякла во мне, и когда хочу я снова найти в своей груди то, что тогда так могуче вздымало ее, страдания и счастье, милую мечту, я тщетно стучусь в скалу, не хранящую уже никакого живого ключа; Бог отступился от меня.

По иному глядит оно на меня теперь это минувшее время! Там, в купальном местечке пришлось мне играть героическую роль; плохо выученный, новичок на сцене, я вышел из роли влюбившись в пару голубых глаз. Родители, об-

манутые игрой, делали все, только бы поскорей покончить, и обыкновенная шутка закончилась издевательством. И это все, все! Это кажется мне пошлым и глупым, и в то же время страшно мне, что в таком виде является мне все, так широко, так глубоко вздымавшее тогда мою грудь. Минна, как плакал я тогда, потеряв тебя, так же плачу я теперь, потеряв тебя и в себе самом. Разве я уже так стар? О печальный рассудок! Только одно биение пульса того времени, один миг той мечты, — но нет и того! Одинок я в открытом пустынном море горького потока рассудка, и давно исчезла для меня сиффида из последнего бокала шампанского.

Я послал Бенделя с несколькими мешками золота вперед, чтобы приготовить в городке подходящую мне квартиру. Он сорил там деньгами и выражался несколько неопределенно о знатном чужестранце, которому служит, так как я не хотел быть названным. Это породило в добрых людях странные мысли. Как только дом мой готов был принять меня, Бендель вернулся за мной. Мы отправились в путь.

Приблизительно за час езды до местечка, на залитой солнцем лужайке, дорогу нам преградила пестро разодетая толпа. Карета остановилась. Слышалась музыка, звон колоколов, пушечные выстрелы; громкое виват пронизывало воздух. — У подножки коляски появился в белых платьях хор молодых девушек замечательной красоты, пропадавших, однако, перед одной, как звезды ночи перед солнцем. Она выступила из среды подруг; нежная, высокая фигура, застыдившись и покраснев, опустилась передо мной на колени и протянула на шелковой подушке венок, сплетенный из лавров, ветвей

маслины и роз, причем сказала несколько слов о величестве, благоговении и любви; смысла их я не понял, но серебристый их звук очаровал и одурманил мой слух и сердце, — мне казалось, что это небесное явление уже раз когда-то появлялось передо мною. Хор подхватил и пел хвалу доброму королю и счастье народа.

И все это, милый друг, на солнце! Все еще стояла она на коленях в двух шагах от меня, но я, без тени, не мог перепрыгнуть пропасти, не мог упасть на колени перед ангелом. Чего бы не отдал я в этот миг за тень! В глубине кареты должен я был прятать свой страх, свой стыд, свое отчаяние. Бендель, наконец, догадался и выпрыгнул с другой стороны кареты. Я позвал его и передал из ящичка, бывшего у меня под рукой, богатую бриллиантовую корону, долженствовавшую украшать красавицу Фанни. Он выступил вперед и сказал от имени своего господина, не могшего и не хотевшего принять все эти почести, о том, что, должно быть, произошла ошибка; все же добрые жители города пусть примут благодарность за благие намерения. Он взял, между тем, протянутый венок и положил на его место бриллиантовый обруч; потом почтительно протянул руку, чтобы поднять прекрасную девушку, и знаком удалил духовенство, магистрат и все депутаты. Никто не был больше допущен. Он велел толпе разделиться и дать дорогу лошадям, вскочил снова в карету и крупным галопом помчались мы дальше сквозь арку из зелени и цветов, по направлению к городку. Пушки все время то и дело стреляли. Карета остановилась у моего дома; я проворно проскочил в двери, разделив толпу,

привлеченную сюда желанием увидеть меня. Чернь кричала виват под моим окном, и я велел бросать ей двойные дукаты. Вечером город был иллюминирован.

И я все еще не знал, что это значит и за кого меня приняли. Я послал Раскаля на разведки. Ему рассказали, что получены были достоверные сведения, что добрый король прусский, под именем какого-то графа, путешествует по стране; что мой адъютант был узнан и как он выдал себя и меня; как велика была, наконец, радость, когда уверились, что увидят меня самого в местечке. Теперь, правда, увидели, что я хочу сохранить строжайшее инкогнито и что они были очень не правы, желая так назойливо приподнять вуаль. Но я так милостиво и благосклонно гневался, что, наверно, простил добрым сердцам.

Моему проходе все это показалось столь забавным, что он своими обличительными речами сделал все возможное, чтобы укрепить пока добрых людей в их заблуждении. Он сделал мне очень смешной доклад и, увидев, что лицо мое прояснилось от этого, рассказал мне и о своем коварстве. Признаться ли? Мне все же польстило, что меня, пусть даже по ошибке, приняли за всеми почитаемую особу.

Я велел на другой день вечером устроить праздник под деревьями, осенявшими площадь у моего дома, и пригласить весь город. Танцевальной силе моего кошелька, стараниям Бенделя и проворной изобретательности Раскаля удалось победить даже время. Взаправду удивительно, как хорошо и пышно устроилось все в столь краткое время. Царили великолепие и избыток. Обильная иллюминация была так умно

распределена, что я чувствовал себя в полной безопасности. Мне ни о чем не пришлось напоминать, мне оставалось только похвалить слуг.

Вечер сгущался. Гости явились и были мне представлены. Его Величество уже не затрагивали; я назывался с глубокой почитательностью и смиреннием: господин граф. Что мне было делать? Я примирился с графом и стал отныне граф Петер. Среди праздничной сутолоки душа моя жаждала только одной. Поздно появилась она, та, что носила на голове корону. Она скромно шла за родителями, и, казалось, не знала, что она красивей всех. Господин лесничий, его жена и дочка были мне представлены. Я сумел сказать старикам много лестного и приятного; перед дочкой я стоял, как наказанный мальчик, и не мог выговорить ни слова. Наконец, я, запинаясь, попросил ее почтить этот праздник, принять в нем то звание, знак которого ее украшает. Смутившись, она попросила трогательным взглядом пощады; но смутившись еще сильнее ее, принес я ей, как первый подданный, с глубоким благоговением, свою присягу, и знак, поданный графом, послужил всем гостям приказанием, которое каждый старался исполнить. Величество, Невинность и Грация в союзе с красотой овладели праздником. Счастливые родители Минны думали, что только ради них nocturno их дитя; я сам был в неописуемом ольянении. Все ювелирные вещи, бывшие у меня, купленные, чтобы отделаться от тяготившего золота, все жемчуга, все драгоценные камни, велел я положить на два закрытые блюда и за столом, от имени королевы, раздавать ее подругам и всем дамам; золото, ме-

жду тем, непрерывно бросалось в народ через протянутую вокруг места праздника перегородку.

Бендель открыл мне по секрету на другое утро, что подозрения, бывшие у него на Раскаля, теперь подтвердились. Он крал вчера целые мешки золота — «Предоставим», — возразил я, — «этому бедняге его добычу; я охотно дарю всем, почему бы и не ему? Вчера он и новые нанятые тобой люди честно служили мне, они радостно помогли мне устроить радостный праздник».

Больше об этом не было речи. Раскаль остался первым из моих слуг, а Бендель моим другом и доверенным. Последний привык считать богатство мое неисчерпаемым и не старался отыскать источников его! Напротив, проникая в думы мои, он помогал мне находить поводы, чтобы показывать его и расточать золото. О том незнакомце, бледном бродяге, знал он только то, что он один мог освободить меня от проклятия, тяготеющего надо мной, что я боюсь его и в то же время возлагаю на него все свои надежды; что я убежден, что он сумеет разыскать меня всюду, я же его нигде, и поэтому прекратил бесполезные розыски, ожидая назначенного дня.

Великолепие моего праздника и мое обхождение оставили сперва крепких верой граждан при их предвзятом мнении. Правда, из газет вскоре выяснилось, что басня о поездке прусского короля была ни на чем не основанной уткой. Но я был уже королем и должен был им остаться, как бы там ни было, даже одним из самых богатых — королем из королей. Только не знали, наверно, каким.

Мир никогда не имел причин жаловаться на недостаток монархов, в особенности в наши дни; добрые люди, не выдавшие в глаза ни одного, с одинаковой удачей указывали то на того, то на другого.

Граф Петер оставался все тем же, чем был. Раз как-то между курортных гостей местечка появился купец, обогатившийся зловещим банкротством. Он пользовался общим вниманием и отбрасывал широкую, хотя немного бледную тень. Он хотел показать здесь собранные богатства и вздумал даже тягаться со мной. Я обратился к своему кошельку и скоро так забил бедняжку, что он, для спасенья своего положения, принужден был еще раз обанкротиться и уехать за горы. Так я отделался от него. Много бездельников и негодяев расплодился я в этой местности!

При всей царской роскоши и расточительности, благодаря которым я владел всем, я жил у себя дома просто и замкнуто. Я принял себе за правило величайшую осторожность; никто, кроме Бенделя, ни под каким предлогом, не смел вступать в занимаемые мной комнаты. Пока светило солнце, запирался я с ним там, и это называлось: граф работает в своем кабинете. С этой работой связывали многочисленные письма, получавшиеся и посылавшиеся мной по малейшим поводам. Я принимал гостей только вечером под моими деревьями или в зале, богато и искусно обвешенном по указаниям Бенделя. Если я выходил, причем Бендель всегда оберегал меня глазами Аргуса, то только к лесничеству и всегда по одному и тому же поводу; сердцевинкой моей жизни была моя любовь.

О, мой добрый Шамиссо, я надеюсь, ты не

забыл еще, что такое любовь! Я предоставляю тебе многое дополнить здесь. Минна, это милое, славное дитя, действительно, была достойна любви. Я привлек все ее воображение к себе. Скромная, она не знала, чем заслужила, что я гляжу только на нее, и платила мне любовью за любовь со всей юной силой невинного сердца. Она любила, как женщина, жертвуя всем до самозабвения, отдаваясь тому, кого считала своей жизнью, не заботясь, погибнет ли сама, то-есть любила вонистину.

Я же — сколько ужасных часов, ужасных, и в то же время достойных, чтобы желать их снова — проплакал я на груди у Бенделя, очнувшись от первого безотчетного опьянения, взглянув на себя строго, на себя бестенного, губившего этого ангела коварным эгоизмом, ложью привлечшего к себе и украсившего чистую душу. То решался я открыться ей; то клялся я страшными клятвами порвать с ней и бежать; то снова заливался слезами и обсуждал с Бенделем, как навестить ее вечером в лесничестве. Иногда я сам себя разжигал надеждами на скорое посещение серого незнакомца и снова плакал, видя тщетность надежд. Я вычислил день, когда думал вновь увидеть Ужасного; он сказал через год и день, и я верил его слову.

Родители Минны были добрыми почтенными стариками, страстно любившими свое единственное дитя; наши отношения стали им известны уже слишком поздно, и они не знали, что делать. Раньше им и не снилось, что граф Петер может думать о их дочке, а теперь он даже любил ее и был любим. Мать была достаточно тщеславной, чтобы думать о браке и стараться достигнуть его; здравый рассудок

старика не давал воли таким непомерным мечтам. Оба были уверены в чистоте моей любви, — им ничего не оставалось, как молиться за свою дочь.

Под руку мне попало письмо этого времени, полученное мною от Минны. Да, это ее почерк! Я перепишу его тебе.

«Я, слабая, глупая девочка, могла бы вообразить, что мой любимый не захочет сделать мне зла, потому что я его люблю, всей душой люблю. Ах! ты так добр, так невыразимо добр. Но пойми меня верно. Ты не должен мне ничем жертвовать, ты не смеешь даже хотеть пожертвовать мне чем-нибудь. О Боже! Я бы себя возненавидела, если бы ты сделал это. Нет. Ты сделал меня бесконечно счастливой, ты научил меня любить тебя. Уходи, я знаю свою судьбу. Граф Петер принадлежит не мне, он принадлежит миру. Я буду гордиться, если услышу: это был он, а это снова был он, а это сделал он же; там ему молились, а там его боготворили. Видишь, когда я думаю об этом, я сержусь на тебя, что ты из-за наивной девочки можешь забыть свою высокую судьбу. Уходи, иначе мысль эта сделает меня несчастной, меня, столь счастливую тобой. Не видела ли я ветвь маслины и розу в твою жизнь, как в венок, который я подала тебе? Ты у меня в сердце, мой любимый, не бойся уйти от меня — я умру, ах! такой счастливой и довольной, благодаря тебе».

Ты поймешь, как терзали мне сердце эти слова. Я объяснял ей, что я не то, за что меня принимают; я только богатый, но бесконечно жалкий человек. На мне лежит проклятие, — единственная тайна между нами — по ому что я

еще надеюсь освободиться от него. Одно отравляет мои дни: что я могу завлечь ее вместе с собой в пропасть, ее, единственный свет, единственное счастье, единственное сердце моей жизни. Она плакала о моем несчастье. Ах, она была так добра, так любила! Из-за одной моей слезы, с каким блаженством она была бы готова пожертвовать всю себя.

Но она была далека от правильного толкования моих слов. Она подбзревала во мне какого-нибудь князя, изгнанника, какое-нибудь значительное преследуемое лицо, и ее воображение рисовало ей ее любезного в героических образах.

Однажды я сказал ей: «Минна, последний день будущего месяца может решить и изменить мою судьбу. Если этого не случится, я должен умереть, потому что не хочу сделать тебя несчастной».

Плача спрятала она лицо на моей груди. — «Если изменится твоя судьба, дай мне только знать, что ты счастлив, я ничего не требую. Если ты будешь несчастным, свяжи меня с твоим несчастьем, чтобы я могла помочь тебе, нести его».

— «Девушка, девушка, возьми назад скорей безрассудное слово, слетевшее с губ твоих — знаешь ли ты это несчастье, знаешь ли ты это проклятие? Знаешь ты, кто твой любимый... Что он?.. Разве не видишь ты меня таящим что-то, судорожно содрагающимся?»

Рыдая упала она к моим ногам и повторила с клятвой свою просьбу.

Я заявил вошедшему лесничему, что намереваюсь первого числа после следующего месяца просить руки его дочери; я назначаю этот

срок, потому что до тех пор должно случиться многое, могущее изменить течение моей судьбы. Неизменна только любовь моя к его дочери.

Добрый человек прямо испугался, услышав такие слова из уст графа Петера. Он бросился обнимать меня и снова застыдился того, что позволил себе забыть. Потом он стал сомневаться, обдумывать, испытывать; он говорил о приданом, об обеспеченности, о будущем своей любимой дочки. Я поблагодарил его за напоминание и сказал, что хочу обосноваться в этой местности, где я казался любимым, и вести беззаботную жизнь. Я попросил его купить на имя дочери лучшие имения, продававшиеся здесь, и предоставить мне платежи. Отец лучше всего мог бы услужить этим влюбленному. Это причинило ему немало хлопот, потому что всюду опережал его кто-то другой; он купил всего, приблизительно, на один миллион.

Занять его этим, было с моей стороны, в конце концов, невинной хитростью, чтобы удалиться его. Я не раз прибегал к подобному способу, так как должен сознаться, лесничий был немного надоедлив. Добрая же мать была глуховата и не претендовала, как он, на честь занимать графа разговорами.

Подошла мать. Счастливые люди просили меня в этот вечер остаться подольше; я же не смел медлить ни минуты: я видел уже мерцающий на горизонте месяц. Мое время прошло.

На другой вечер я опять пошел в лесничество. Я высоко поднял плечами плащ, глубоко навалил шляпу на глаза и подошел к Минни. Она взглянув на меня и увидев меня, она сделала гавальное движение; и вдруг предстала ужасная ночь, когда показался я при свете луны.

Л. Л. Липин

тени. Не догадалась-ли и Минна? Она была тиха и задумчива—в груди у меня была страшная тяжесть—я поднялся со скамьи. Тихо плача, бросилась она ко мне на грудь. Я ушел.

С тех пор я часто заставлял ее в слезах; душа моя становилась все мрачней и мрачней—только родители захлебывались от счастья. Роковой день приближался, жуткий и мрачный, что грозовая туча. Наступил канун—я почти не мог дышать. Я заботливо наполнил несколько ящиков золотом, и бодрствовал до двенадцати часов. Пробило.

Я сидел, смотря на стрелки часов, считая минуты и секунды, как удары кинжала. При каждом шуме вскакивал я; настал день. Свинцовые часы сменяли друг друга, настал полдень, вечер, ночь; двигались стрелки, увядала надежда; пробило одиннадцать, и никто не появлялся; прошли последние минуты последнего часа,—никто не появлялся; пробил первый удар, последний удар двенадцати часов, и я упал на свое ложе, в слезах, безнадёжный. На завтра должен был я, на веки бестенный, просить руки возлюбленной; тревожный сон сомкнул мне под утро глаза.

V.

Было еще рано, когда меня разбудили голоса, раздававшиеся в горячей перебранке у меня в передней. Я прислушался; Бендель запрещал войти в мою дверь; Раскаль клялся, что не послушается приказаний своего же брата слуги, и рвался войти ко мне в комнату. Добрый Бендель доказывал, что слова эти, если дойдут до моего слуха, лишат его выгоднейшей службы.

Раск
даль
набр
шен
кров
дина
на
так
М
врем
смыс
всем
быт
жит
нуж
Раск
нес
Он
жда
пока
Б
тел
всем
сил
те
мне
ку,
Бен
мыс
О
нак
во,
лест
Я
име

Раскаль грозился пустить в ход силу, если он дальше будет загораживать дверь.

Полуодетый, сердито распахнул я дверь и набросился на Раскаля:—«Чего тебе нужно, мошенник?»—Он отступил на два шага и хладнокровно ответил:—«Покорнейше просить господина графа, позволить мне хоть раз взглянуть на его тень,—кстати, солнце на дворе светит так ярко».

Меня точно громом ударило. Прощю не мало времени, пока я смог опять говорить. — «Как смеет слуга против своего господина?»—Он совсем спокойно перебил меня:— «Слуга может быть очень честным человеком и не желать служить бестенному, я требую расчета».—Я принужден был подойти с другой стороны.—«Но, Раскаль, милый Раскаль, кто навел тебя, на эту несчастную идею, как можешь ты думать?»—Он продолжал тем же тоном:—«Люди утверждают, что у вас нет тени. Словом, вы или покажете мне вашу тень, или дадите расчет».

Бендель, бледный и дрожащий, но сообразительней меня, сделал мне знак: я прибегнул к всемогущему золоту. Но и оно потеряло свою силу—он бросил мне его под ноги:—«От бестенного я ничего не беру».—Он повернулся ко мне спиной, надел шляпу и, насвистывая песенку, не торопясь вышел из комнаты. Я стоял с Бенделем, точно окаменев, неподвижно и без мысли смотря ему вслед.

Со смертью в сердце, тяжело вздохнув, я, наконец, собрался исполнить данное мною слово, и, как изменник перед судьями, появиться в лесничестве.

Я вошел в темную беседку, названную моим именем, где и на этот раз они должны были

ждать меня. Мать беззаботно и радостно встретила меня. Минна сидела там, бледная и прекрасная, точно первый снег, целующий иногда осенью последние цветы и тотчас же растекающийся горькой водой. Лесничий, с неписанным листом в руках, сердито ходил взад и вперед, и, казалось, сдерживал в себе многое, что отражалось на его обыкновенно неподвижном лице, вызывая на нем то яркую краску, то бледность. Он подошел и прерывающимся голосом потребовал говорить с ним наедине. Путь, по которому он просил меня следовать за ним, вел к открытой солнечной части сада, — я молча опустился в кресло, и наступило долгое молчание, которое даже сама добрая мать не решилась нарушить.

Лесничий все еще шагал по беседке неровными шагами. Вдруг он остановился около меня, взял бумагу, которую держал в руке, и спросил, испытующе глядя: — «Возможно ли, господин граф, что вам действительно не безызвестен некто Петер Шлемиль?» — Я молчал. — «Человек прекрасного характера и выдающихся дарований». — Он ждал ответа. — «А если этот человек я сам?» — «У которого», — добавил он сердито, — «исчезла его собственная тень!» — «О, мои предчувствия, мои предчувствия!» — воскликнула Минна — «да, я уже давно знаю, у него нет тени!» — И она бросилась в объятия матери. Та, испуганно и судорожно прижимая Минну, упрекала ее в том, что из свое несчастье скрывала она такую тайну. Она же, как Аретуза, превратилась в слезный ручей, который при звуках моего голоса тек еще обильнее, а при моем приближении бурливо вскипал.

— «И вы», — снова начал лесничий сердито, — «и вы не колебались с неслыханной дерзостью

обманывать ее и меня; и вы утверждаете, что любите ее, которую вы сделали столь несчастной? Посмотрите, как рыдает и плачет она. Ужас! Ужас!»

Я настолько потерялся, что, как помешанный, начал:

— «В конце концов, тень, ведь, только тень; можно, ведь, обойтись и без нее, и право не стоит поднимать из-за нее такого шума...» — Но я так сильно чувствовал всю неосновательность своих слов, что сам собой замолчал, не удостоившись ответа. Я прибавил только: — «Что потерю однажды, то можно в другой раз снова найти».

Он гневно напустился на меня. — «Сознайтесь мне, государь мой, сознайтесь мне, как вы лишились своей тени?» — Я снова принужден был лгать: — «Неуклюжий человек раз так неосторожно наступил на мою тень, что прорвал в ней большую дыру. Я отдал ее в починку, — золоту, ведь, многое может, и еще вчера я должен был получить ее».

— «Хорошо, государь мой, очень хорошо!» — позразил лесничий. — Вы сватаетесь к моей дочери, то же делают и другие; я, как отец, обязан заботиться о ней, я даю вам срок три дня, в течение которых вы должны достать себе тень; появитесь вы через три дня передо мною с хорошо пригнанной тенью. — вы будете мне угодны и милы: на четвертый же день — говорю я вам, дочь моя будет женой другого».

Я, было, попробовал сказать два слова с Минной, но она, горько рыдая, еще теснее прижалась к матери, и молча подала мне знак, чтобы я удалился. Я вышел, шатаясь, и мне казалось, что за мной замыкается мир.

Избегнув любящего надзора Бенделя, колесил я в диком беге по полям и лесам. Пот ужаса капал с моего лба, глухой стон вырывался из моей груди, бешенство бушевало во мне.

Не знаю, как долго длилось это. Очнулся я на залитой солнцем лужайке, почувствовав, что меня дергают за рукав. Я остановился и оглянулся—это был человек в сером кафтане. Он, казалось, бежал за мной, весь запыхавшись. Он тотчас начал:

— «Я назначил вам сегодняшний день, вы не дождались, но все еще хорошо, вы выслушаете совет, променяете снова вашу тень, которая к вашим услугам, и сейчас же вернетесь. Вас с радостью примут в лесничестве и все окажется только шуткой; Раскаля, выдавшего вас и сватающегося к вашей невесте, я беру на себя, он созрел для этого».

Я стоял точно во сне.—«Вы назначили сегодняшний день?»—Я еще раз рассчитал время,—он был прав, я ошибся на один день. Правой рукой стал я искать на груди кошелек,—он угадал мое намерение и отступил на два шага.

— «Нет, господин граф, он в хороших руках, вы его оставьте».—Я смотрел на него, выпучив глаза, удивленно и вопросительно. Он продолжал: — «Я прошу себе на память одну только мелочь: вы будете настолько добры и подпишите мне эту бумажку».

На пергаменте были слова: «В силу этой моей подписи отдаю я обладателю сего мою душу, после естественной разлуки ее с моим телом».

С немым удивлением глядел я то на письмо, то на серого незнакомца. Между тем, он заново очищенным пером поймал каплю крови из свежей царапины на моей руке и подал мне.

— «К
это
вид
физи
прев
дари
земл
Но
Шле
Я
дарь
—
но.
—
пать
—
и ра
спр
ее к
лать
люби
вам
этого
зова
рят
ваш
дост
руки
отто
подл
это
я со
то и
ниче
Я
выс

— «Кто же вы?» — спросил я, наконец. — «Разве это важно», — ответил он, — «и разве это не видно по мне? Бедный чорт, так, нечто вроде физика и ученого, получающий от друзей за свои превосходные искусства очень плохую благодарность и не имеющий другого утешения на земле, кроме маленьких своих экспериментов. Но подписывайтесь же. Направо, внизу: Петер Шлемиль».

Я замотал головой и сказал: — «Извините, сударь, я не подпишу этого».

— «Не подпишите?» — повторил он удивленно. — «А почему?»

— «Мне кажется не совсем удобным покупать свою тень ценою души».

— «Так, так!» — повторил он, — «неудобным», — и разразился громким смехом. — «А осмелюсь спросить, что же это за штука, ваша душа? Вы ее когда-нибудь видели, и что вы думаете сделать с ней после смерти? Будьте же рады найти любителя, еще при жизни желающего заплатить вам кой-чем существенным за предоставление этого X, этой гальванической силы или поляризованной деятельности, или как там еще говорят про эту дурацкую штучку. Ведь я плачу вашей телесной тенью, при помощи которой вы достигнете исполнения всех ваших желаний и руки своей возлюбленной. Или вы предпочтете оттолкнуть и отдать ее бедную молодую жизнь подлому негодяю Раскалю?.. Нет, вы должны на это взглянуть собственными глазами; пойдемте, я ссужу вам шапку невидимку (он вынул что-то из кармана) и мы прибудем невидимо в лесничество».

Я должен сознаться, что очень стыдился быть высмеянным этим человеком. Он был мне до

глубины души ненавистен, и я думаю, что моя личная брезгливость, скорей чем принцип или предрассудки, удерживала меня от покупки подписью моею столь необходимой мне тени. Точно также невыносима была мне мысль предпринять в его обществе предложенное путешествие.

Видеть этого отвратительного проныру, этого адски усмехающегося кобольда *) между мной и возлюбленной, между двумя до крови израненными сердцами, возмущало меня до глубины чувств. Я принял все случившееся, как ниспосланное свыше несчастье свое, как непоправимое, и сказал, обернувшись к этому человеку:

— «Государь мой, я продал вам свою тень за этот кошелек, который сам по себе превосходит, и достаточно жалел об этом. Если можно расторгнуть сделку—с Богом!»—Он замотал головой и соорудил очень мрачное лицо. Я продолжал:—«В таком случае, я не продам вам ничего из того, что имею, хотя бы даже ценой своей тени, и, следовательно, ничего не подписываю. Отсюда вытекает также, что использование шапки-невидимки, предлагаемое вами, будет куда веселее для вас, чем для меня, а потому увольте меня и раз не может быть иначе,—позвольте расстаться!»

— «Мне очень жаль, monsieur Шлемиль, что вы упрямо отказываетесь от сделки, по-дружески предложенной мною. Но, может быть, в другой раз я буду счастливее. До скорого свиданья»

*) Кобольдами—в немецких народных поверьях назывались маленькие демонические существа, вроде наших домовых, домовых и т. п.

нии! А propos, позвольте мне еще показать вам, что вещи купленные мною, я никоим образом не допускаю до плесени, но, наоборот, держу в порядке и они у меня хорошо сохраняются».

Он тотчас вытащил из кармана мою тень и, распутив ее ловким броском по траве, разложил ее у своих ног на солнечной стороне таким образом, что ходил между обеими прислуживающими ему тенями, между своей и моей, причем моя тоже слушалась, применялась и прилаживалась к его малейшим движениям.

Увидев, после столь долгого времени, опять свою бедную тень и найдя ее униженной до столь позорной службы, именно в миг, когда я по ее милости был в таком несчастии, я горько заплакал, и сердце мое сжалось. Ненавистный, гордо прохаживался с добычей своей, отобранной у меня, и бесстыдно возобновил свои предложения.

— «Вы можете ее еще получить; росчерк пера, и вы спасете бедную несчастную Минну из лап проходимца в объятия глубокоуважаемого графа—только росчерк пера—как сказано».

Слезы потекли у меня с новой силой, но я отвернулся и сделал ему знак удалиться.

Бендель, озабоченно искавший меня по моим следам, появился в этот момент. Когда эта верная, добрая душа увидела меня в слезах, а мою тень,—ее нельзя было не узнать,—во власти странного серого незнакомца, он решил, хотя бы силой, вернуть мне мою собственность, а так как он сам не знал как обращаться с такой хрупкой вещью, то тотчас же напустился на серого человека с руганью и, без дальнейших рассуждений, строго приказал ему немедленно возвратить мне мое.

Тот, вместо всякого ответа, повернулся к невинному парню спиной и пошел. Бендель же поднял свою суковатую палку и, следуя по пятам за серым, продолжал приказывать ему возратить тень, нещадно давал ему чувствовать всю силу своих сильных рук. Тот, как будто привыкнув к подобному обращению, нагнул голову, поднял плечи и, молча, спокойным шагом, продолжал свой путь через луг, одновременно уводя у меня и тень, и верного слугу. Долго еще слышал я глухие звуки ударов, долетавшие до меня в этой пустыне, пока, наконец, они не затерялись в дали. Я был, как прежде, один со своим горем.

VI.

Оставшись один на пустынной поляне, предоставил я слезам свободно бежать, облегчая бедное сердце свое от невыразимой, страшной тяжести. Но я не видел ни границ, ни исхода, ни цели своему чрезмерному горю и с яростной жадностью пил я от нового яда, влитого незнакомцем в раны мои. Когда в душе вызывал я образ Минны, и любимый, милый, бледный, весь в слезах облик ее являлся мне таким, каким видел я его в последний раз при поношении моем—между мной и им тотчас выступал дерзкий и издевающийся призрак Раскаля. Я закрывал лицо и бежал по пустыне, но ужасное видение не отпускало меня, нет, оно следовало за мной в беге моем, пока, задохнувшись, не упал я на землю и не оросил ее новым потоком слез.

И все это из-за какой-то тени! А эту тень мне вернул бы один росчерк пера. Я обдумал странное предложение и свой отказ. Глухо бы-

до у меня на душе, я не мог ничего ни решить, ни сообразить.

День проходил. Я утолил свой голод дикими плодами, свою жажду водой горного ручья; ночь наступила, я расположился под деревом. Сырое утро пробудило меня от тяжелого сна, в котором я слышал самого себя хрипящим словно при смерти. Бендель, должно быть, потерял мой след, и я рад был этому. Я не хотел возвращаться к людям, от которых бежал с ужасе, как пугливая горная дичь. Так прожил я три тревожных дня.

На утро четвертого дня я очутился на песчаной равнине, освещенной солнцем, и сидел в лучах его на обломках скалы; я любил теперь так долго чуждый мне взгляд солнца. Тихо питал я сердце своим отчаянием. Вдруг меня разбудил легкий шорох; готовясь бежать, бросил я взгляд вокруг себя, и не увидел никого; но мимо меня по солнечному песку скользила человеческая тень, слегка похожая на мою. Она, казалось, отделившись от своего хозяина, бродила одна.

Тут проснулось во мне жгучее желание: «Тень, подумал я, «ты ищешь своего господина? я буду им». Я бросился, чтобы овладеть ею; я думал, что мне посчастливится наступить на ее следы так, чтоб она пришлась к моим ногам, она наверное зацепится за них и со временем к ним привыкнет. На мое движение тень начала убегать от меня, и я принужден был предпринять напряженную охоту за легкой беглянкой. Силу для этого давала мне лишь мысль спастись из моего ужасного положения. Она бежала к лесу, правда, еще далекому, в тени которого я, конечно, потерял бы ее. Я увидел это, страх

сжал мне сердце, усилил мое рвение, окрылил бег—я заметно догонял тень, я все приближался к ней, я должен был настичь ее. Вдруг она остановилась и повернулась ко мне. Как лев на добычу, так бросился я громадным прыжком на нее, чтобы овладеть ею,—и неожиданно и жестоко испытал сопротивление тела. Невидимо меня били в бока—как редко кого.

Вследствие страха, крепко обхватил я руками и сжал в них невидимое тело. При этом быстрым движении я упал лицом на землю, подобной же оказался на спине человек, которого я обхватил и который только теперь стал видимым.

Тут мне объяснилось очень естественно все приключение. Человек держал птичье гнездо невидимку, которое теперь бросил. Гнездо это делает человека невидимым, но не его тень. Я посмотрел вокруг, быстро нашел тень самого гнезда-невидимки, подскочил к нему и не промахнулся схватить дорогую добычу. Я взял его, без тени невидимый.

Быстро вскочивший человек, ища взглядом своего счастливого победителя, не нашел на солнечной далекой равнине ни его, ни тени, которую искал он особенно заботливо. Он, ведь, не успел заметить раньше, что у меня нет тени и не мог предположить этого. Когда убедился он, что всякий след исчез, в величайшем отчаянии поднял он руку на самого себя и рвал на себе волосы. Мне же доставившее сокровище дало вместе желание и возможность снова смешаться с людьми. У меня не было недостатка в предложениях оправдать перед самим собой свой позорный грабеж, или скорее—я не нуждался в них; чтобы уйти от мыслей такого рода, спе-

шил я удалиться, не оглядываясь на несчастного, чей испуганный голос еще долго раздавался сзади меня. Так, по крайней мере, представлялись мне тогда обстоятельства этого приключения.

Я горел желанием пойти в лесничество и самому узнать правду, сообщенную мне тем Ненавистным; но я не знал, где я, и, чтобы осмотреться, взошел на ближний холм. С вершины его увидел я у своих ног близкий городок и лесничество. Сильно забилося мое сердце, и слезы, другого рода, чем до сих пор пролитые, выступили у меня на глазах: мне предстояло увидеть ее вновь!—Тревожная тоска направила мои шаги на самый короткий путь. Я прошел невидимый мимо нескольких крестьян, шедших из города. Они говорили обо мне, Раскале и лесничем; я ничего не хотел слышать и спешил дальше.

Я вступил в сад со всем трепетом ожидания в груди. Как будто смех раздался навстречу мне, меня передернуло, я бросил быстрый взгляд вокруг: я никого не находил. Я зашагал дальше, мне казалось, что слышу шорох около себя, как будто от человеческих шагов; но ничего не было видно: я счел себя обманутым слухом. Было еще рано, никого в беседке графа Петера, еще пусто в саду; я бродил по знакомым дорожкам, я прошел к самому дому. Тот же шорох преследовал меня явственнее. Со страхом в сердце сел я на скамейку на солнце против домовой двери. Мне казалось, что я слышал, как рядом со мной сел невидимый адски смеющийся кобольд. Ключ в двери повернулся: лесничий вышел с бумагами в руках. Я почувствовал словно туман, обволакивающий мне голову, я оглянул-

ся, и—о ужас!—человек в сером камзоле сидел подле меня, смотря на меня с сатанинской усмешкой. Он натянул и мне на голову свою шапку-невидимку; у его ног мирно лежали рядышком его и моя тень; он небрежно играл уже знакомым пергаментом, держа его в руках, и, пока лесничий, занятый бумагами, шагал взад и вперед в тени беседки, он дружески склонился к моему уху и зашептал:

— «Итак, вы все же приняли мое предложение, и вот, сидим мы две головы под одной шапкой. Хорошо! Хорошо! Но отдайте же мне теперь мое гнездо-невидимку,—вам оно больше не нужно, и вы слишком честны, чтобы не возвратить его мне,—но благодарности за него я не принимаю, я уверяю вас, что от всей души ссудил вас им».—Он властно взял у меня гнездо, спрятал к себе в карман и еще раз посмеялся надо мной, да так громко, что лесничий оглянулся на шум.

Я сидел как окаменелый.

— «Вы должны согласиться со мной»,—продолжал он,—«что эта шапка гораздо удобнее. Она скрывает не только человека, но и его тень и еще другие тени, сколько в ум забредет прихватить. Видите, сегодня я вожу опять две».—Он снова засмеялся.—«Запомните, Шлемиль, чего не хотят вначале добром, на то вынуждаются впоследствии. Я думаю, вы еще купите у меня эту вещь, вернете невесту (еще есть время) и мы заставили бы Раскаля болтаться на виселице; это сделать легко, пока нет недостатка в веревках. Послушайте, я дам вам еще шапку в придачу».

Мать Минны вышла из дому и начался разговор.—«Что делает Минна?»—«Плачет.»—«Глу-

пое дитя! Дела уж не изменишь!»—«Правда, но отдавать ее так рано за другого... Муж, ты слишком суров к ребенку».—«Нет, мать, ты не права. Когда она, еще не выплавав своих ребяческих слез, увидит себя женой богатого и уважаемого человека, проснется она утешенной от своего горя, как от сна, и поблагодарит Бога и нас, ты увидишь!»—«Дай-то Бог!»—«Правда, у ней есть теперь значительные имения; но из-за шума, наделанного этой несчастной историей с проходимцем, думаешь ты, скоро найдет она такую подходящую партию, как господин Раскаль? Знаешь ты, какое состояние у господина Раскаля? У него на шесть миллионов имений в нашей стороне, чистых от долгу, купленных на наличные. У меня на руках были документы! Он-то и скупал передо мной все лучшее; а кроме того, в портфеле бумаг на Томаса Джона, приблизительно на три с половиной миллиона». — «Он должно быть, много крал».—«Что за речи! Он умно копил там, где расточали».—«Человек, посивший ливрею».—«Глупости! у него же безупречная тень!»—«Ты прав, но...»

Человек в сером камзоле засмеялся и посмотрел на меня. Дверь открылась и вышла Минна. Она опиралась на руку горничной, тихие слезы текли по ее прекрасным бледным щекам. Она уселась в кресло, приготовленное для нее в тени лип, и отец сел около нее. Он нежно взял ее за руку и говорил ей, все сильнее плачущей, нежные слова:

— «Ты, моя милая, добрая девочка, ты будешь ведь умницей, не захочешь огорчить старика-отца, желающего только твоего счастья; я понимаю, милая, что ты сильно потрясена, ты чудом избегла несчастья! Пока мы не открыли

бесстыдного обмана, ты крепко любила этого недостойного; видишь, Минна, я знаю и не упрекаю тебя. Я сам, милое дитя, любил его, пока считал его важным господином. Теперь ты сама видишь, как все изменилось. Как! У всякого пуделя есть своя тень, а мое единственное дитя должно было выйти за человека... Нет, ты, ведь, не думаешь больше о нем... Слушай, Минна, вот к тебе сватается теперь человек, не боящийся солнца, почтенный человек, правда, не князь, но он владеет десятью миллионами, человек, который сделает мою милую дочку счастливой. Не позражай мне, не противься, будь моей хорошей, послушной дочкой, дай любящему отцу позаботиться о тебе, осушить твои слезы. Обещай мне отдать свою руку господину Раскалю... Скажи, ты обещаешь мне это?»

Убитым голосом ответила она:—«У меня нет воли, нет желаний больше на земле. Пусть будет со мной то, чего хочет отец»...

Сейчас же доложили о Раскале, и он дерзко вступил в круг. Минна лежала в обмороке. Мой ненавистный спутник сердито посмотрел на меня и зашептал мне наскоро:—«И вы терпите это? Что течет в ваших жилах вместо крови?»—Он расцарапал мне поспешным движением маленькую ранку на руке и продолжал: — «Действительно! красная кровь?... Так подпишите же!»

Пергамент и перо были у меня в руках.

VII.

Я положусь на твое решение, милый Шамиссо, и не хочу повлиять на него. Я долго сам осуждал себя, потому что в груди своей питал мучительного червя. Все время в душе моей

проплывал этот важный миг моей жизни, и я сокрушенно и покорно смотрел на него неуверенным взором. Милый друг, кто легкомысленно ступит с прямого пути, тот незаметно придет на другие тропинки, которые увлекут его все ниже и ниже; напрасно смотрит он на путеводные звезды, мерцающие в небе, у него нет выбора, он должен идти безудержно вниз по уклону, отдав себя Немезиде *). После поспешного и ошибочного шага, навлекшего на меня проклятие, из-за любви я преступно вторгся в судьбу другого человека; что мне оставалось, как не слепо броситься с помощью туда, где поселилась гибель и где требовали от меня скорой помощи? Ведь был последний час. Не думай обо мне плохо, Адальберт, не думай, что мне показалось бы дорогой требуемая цена, что я скорей поспешил бы чем-нибудь своим, нежели золотом. Нет, Адальберт; но непреодолимой ненавистью к этому загадочному бродяге кривых путей исполнена была моя душа. Может быть, я был несправедлив к нему, но меня возмущало всякое общение с ним. И здесь, как не раз уже в моей жизни и вообще во всемирной истории, на место действия стала случайность.

После я примирился с собой. Во-первых, я научился уважать необходимость и то, что в большей степени ее детище, чем сделанное дело,—свершившийся случай! Потом я научился уважать эту необходимость, как вид мудрого предопределения, проходящий через общую великую машину, где мы участвуем только как заведенные движущие или движимые колеса; что должно быть, то случится, что должно было

*) Немезида—древнегреческая богиня возмездия и мести.

быть, случилось и не без Предопределения, которое научился я уважать в своей судьбе и судьбе соприкасавшихся со мной.

Не знаю, приписать ли это напряженному состоянию моей души от наплыва столь сильных ощущений, или упадку физических сил, ослабленных за последние дни непривычной нуждой, или, наконец, разрушительному возмущению, вызванному во мне близостью этой серой нечисти, но, словом, когда дело дошло до подписи, со мной сделался глубокий обморок, и я долгое время лежал точно в объятиях смерти.

Топот ног и проклятия были первыми звуками, воспринятыми моим слухом, когда я пришел в себя; я открыл глаза, было темно, ненавистный мой спутник, ругаясь, возился около меня. — «Не значит ли это вести себя старой бабой! Нужно подтянуться и быстро исполнить то, что решили. Или вы передумали и предпочитаете попусту хныкать?» — Я с трудом поднялся с земли и молча посмотрел вокруг. Был уж поздний вечер, из освещенного дома лесничего доносилась праздничная музыка, отдельные группы людей бродили по дорожкам сада. Двое подошли и сели на скамью, где сидел я раньше. Они говорили о заключенном сегодня утром браке богача Раскаля с дочерью лесничего.

Итак, свершилось.

Рукой смахнул я со своей головы шапку невидимку незнакомца, в тот же миг исчезнувшего, и, молча, поспешил погрузиться в глубокую ночь кустарников, направляясь через беседку графа Петера к выходу из сада. Но мой мучитель незримо следовал за мной, терзая меня колкими словами: — «И это благодарность за труды, за целый день забот о monsieur со

слабыми нервами, и мне придется остаться в дураках. Ладно, упрямец, бегите от меня, мы все же неразлучны. У вас мое золото, а у меня ваша тень; это не даст нам обоим покоя. Разве слыхано, чтобы тень уходила от своего господина? Она будет тянуть меня к вам, пока вы ее снова не примите с честью, и я не отделаюсь от нее. Что вы упустили сделать добровольно и охотно, вы должны будете наверстать после из-за пресыщения и скуки; от своей судьбы не уйдешь.» — В таком тоне говорил он без конца. Напрасно я бежал, он не отставал и все язвительно говорил о тени и золоте. Я не мог ни о чем думать.

По безлюдным улицам направился я к дому. Когда я приблизился и взглянул на него, я с трудом узнал его; за разбитыми окнами не горело ни свечи. Двери были заперты, слуги уже не суетились в нем. Около меня громко засмеялись: — «Да, вот оно! Но вашего Бенделя вы наверно найдете здесь, его недавно отослали таким усталым домой, что он наверно сторожит его с тех пор.» — Он снова засмеялся. — «Вот то он порасскажет! Ну, да ладно! На сегодня покойной ночи, до екорого свиданья!»

Я несколько раз позвонил, показался свет; Бендель изнутри спросил, кто звонит. Когда добряк узнал мой голос, он едва мог сдержать свою радость; дверь распахнулась. Плача, мы лежали друг у друга в объятиях. Я нашел его сильно изменившимся, слабым и больным; у меня же поседели волосы.

Он повел меня по пустынным комнатам в единственно пощаженный внутренний покой; он принес еды и питья, мы сели, он снова заплакал. Он рассказал мне, что до тех пор бил

тощего серого человека, которого увидел с моей тенью, пока, измучившись, не свалился с ног и не потерял моих следов; потом, не найдя меня, он вернулся домой, куда вскоре явилась подстреканная Раскалем чернь, разбила окна и разграбила, что могла. Так обошлись они со своим благодетелем. Слуги мои разбежались. Местная полиция выслала меня, как подозрительного, из города и дала мне для выполнения предписания двадцать четыре часа сроку. Бендель многое мог добавить к тому, что мне было известно о богатствах и бракосочетании Раскаля. Этот негодяй, с которого начались все предпринятые на меня здесь гонения, очевидно, с самого начала знал мою тайну; повидимому, привлеченный золотом, он сумел приблизиться ко мне, и еще на первых порах подобрал ключ к шкапу с деньгами, где положил начало своему благосостоянию, увеличением которого теперь мог пренебречь.

Все это рассказал мне Бендель, горько плача, и потом вновь заплакал от радости, что опять видит меня, опять близ меня и что, после того как долго думал, куда может меня привести несчастье, увидел меня твердо и спокойно переносящим его. Дело в том, что такую именно форму приняло во мне мое отчаяние. Горе мое стояло передо мной огромным, неотвратимым, оно выжало все слезы из моего сердца, я не мог ответить ему ни единым криком, холодно и безразлично подставляя я ему свою беззащитную голову.

«Бендель»,—начал я,—«ты знаешь мой жребий. Не без вины с моей стороны гнетет меня тяжелая казнь. Ты, невинный человек, не должен больше связывать свою судьбу с моей, я

лай
я хо
ко
брод
нибу
твор
о те
плак
мучи
С
маль
госпо
к ег
слеза
жал
седло
иллы
рого
в ж
цели,

В
торы
шад
у м
меня
годар
мою
счаст
стило
торо
О
мир

я хочу этого. Еще этой ночью уеду я, оставь мне лошадь, я уеду один; ты останешься, я хочу этого. Здесь должно быть еще несколько ящиков с золотом, возьми их. Я один буду бродить по свету; если же удачный час когда-нибудь снова улыбнется мне, и счастье умиротворенно посмотрит на меня, тогда я вспомню о тебе, как о верном друге, потому что не раз плакал я на твоей преданной груди в тяжкие, мучительные часы».

С болью в сердце принужден был честный малый послушаться последнего приказа своего господина, хоть и был им поражен; я был глух к его уговорам, к его просьбам, слеп к его слезам; он подвел мне лошадь. Еще раз прижал я плачущего к своей груди, вскочил на седло и под покровом ночи удалился от могилы моей жизни, не заботясь о том, какой дорогой повезет меня лошадь; потому что больше в жизни у меня не было желаний, не было цели, не было надежды.

VIII.

Вскоре ко мне присоединился пешеход, который, пройдясь немножко рядом с моей лошадью, так как мы были попутчики, попросил у меня позволения положить свой плащ сзади меня на лошадь: я молча позволил. Он поблагодарил меня вежливо за услугу, похвалил мою лошадь, по этому поводу превознес счастье и силу богатства и, не знаю как, пустился в род разговора с самим собой, в котором я был только слушателем.

Он выкладывал свои взгляды на жизнь, на мир и скоро перешел к метафизике, к которой

предъявлялось требование, найти слово — разгадку всем загадкам. Он разобрал задание с большой ясностью и перешел к его разрешению.

Ты знаешь, друг мой, я ясно убедился с тех пор, как прошел школу философов, что никоим образом не призван к философским рассуждениям и навсегда отказался от них; с тех пор я многое оставил невыясненным, отрекся от знания и понимания многих вещей, и, как ты сам советовал, доверяя своему рассудку, внутреннему своему голосу, насколько смог пошел по собственному пути. Теперь мне казалось, что этот златоуст очень талантливо возводит крепко сложенное здание, которое основывалось на себе самом, возвышалось и держалось только внутренней необходимостью. Я разочаровался найти в нем, что искал, и оно представилось мне только произведением искусства: искусная замкнутость и законченность которого лишь тешили глаз; но я с удовольствием слушал красноречивого человека, отвлекавшего мое внимание от моих страданий на себя и охотно сблизился бы с ним, если бы он сумел занять мою душу так же, как мой ум.

Между тем, время шло, и незаметно рассвет осветил небо. Я испугался, внезапно взглянув и увидев распускавшееся на востоке великолепие красок предвещавшее близкое солнце. И не было против него защиты в этот час, когда все тени так хвастливо расстилаются во всю длину; никакой защиты от него не было видно на этой открытой местности! А я был не один! Я взглянул на спутника и снова испугался. Это был никто иной, как человек в сером камзоле.

Он усмехнулся моему испугу и продолжал

не позволяя мне вставить ни слова:—«Позвольте же взаимной выгоде соединить нас на время, как это обычно бывает в жизни; расстаться мы всегда успеем. Дорога вдоль гор, хоть вы и не думали об этом, только одна более или менее удобная для вас; вы не смеете спуститься в долину, а назад по ту сторону гор, откуда вы приехали, вы тоже не захотите вернуться — эта же дорога и моя дорога. Я вижу, что вы уж бледнеете в ожидании восходящего солнца. Пока мы вместе, я охотно ссужу вам тень, а вы потерпите мою близость. У вас, ведь, нет теперь Бенделя; я с удовольствием послужу вам. Вы меня не любите, это мне больно. Но вы можете все-таки использовать меня. Не так страшен чорт, как его малюют. Вчера вы рассердили меня, это правда, но я не хочу вам мстить сегодня, я уж сократил вам путь до сюда, вы сами должны в том признаться. Возьмите же еще раз на пробу свою тень».

Солнце взошло, по дороге шли к нам навстречу люди; я, хотя и с внутренним протестом, принял предложение. Улыбаясь, он спустил на землю мою тень, которая быстро заняла свое место на тени лошади и начала весело подпрыгивать рядом со мной. Странно было у меня на душе. Я проехал мимо кучки крестьян, почти-тельно снявших шапки и расступившихся перед богатым человеком... Я проехал дальше и жадным взглядом (сердце мое стучало) боком посмотрел с лошади на эту, когда то мою, теперь же на время полученную от чужого, от врага, тень.

Тот шел беззаботно рядом со мной и насвистывал песенку. Он был пеший, я конный, какой то вихрь охватил меня, искушение было

черезчур велико, я внезапно натянул поводья, дал шпоры, чтобы полным карьером поскакать в сторону по проселочной дороге; но я не увез тень: она при повороте соскользнула с лошади и ждала своего законного обладателя на боковой дороге. Со срамом принужден был я вернуться; человек в сером кафтане, как ни в чем не бывало, закончив песенку, высмеял меня, снова поправил мне тень и объяснил мне, что она прикрепится ко мне и захочет остаться при мне только тогда, когда я буду владеть ею по праву.—«Я держу вас», — продолжал он,—«за вашу тень, и вы не уйдете от меня. Богатому, как вы, человеку, как ни как нужна тень, этого не переделать; вас можно упрекнуть только в том, что вы не поняли этого раньше».

Я продолжал свое путешествие по той же дороге; вновь стали мне близки все удобства и даже роскошь жизни; я мог легко и свободно двигаться, потому что у меня была, хоть и взятая на подержанье, тень. Всюду внушал я почтение, воздаваемое богатству; но сердце мое было убито. Мой чудесный спутник, выдававший себя за недостойного слугу богатейшего в свете человека, обладал чрезмерной услужливостью, ловкостью и проворством, он был прямо идеалом камердинера богатого человека, но он не отступал от меня ни на шаг, и не переставая, все время упрекал меня, всегда указывая полную уверенность, что, настанет день, когда я, хотя бы только для того, чтоб отделаться от него, заключу сделку на тень. Он был мне столь же тягостен, как и ненавистен, я должен был его бояться. Я зависел от него. Он держал меня в руках, вернув меня к великопению жизни, которого я бежал. Я принужден

был слушать его уговоры и почти чувствовал, что он прав. Богатый человек должен в этом мире обладать тенью; и как только я захотел бы сохранить то положение, которое вновь занять он меня уговорил, мне оставался бы только один выход.

Но одно мне было ясно: пожертвовав любовью, потеряв прелесть жизни, я не хотел, хотя бы ценой всех теней на свете, отдать свою душу этой нечисти. Я не знал, чем все это кончится.

Раз мы сидели у пещеры, посещаемой обыкновенно иностранцами, путешествующими в горах. Там слышится из неизмеримой глубины рев подземных потоков и кажется нет там дна, чтобы задержать брошенный камень в его гулом полете. Он рисовал мне, как уже часто делал раньше, расточая фантазию, мерцающая прелестью блестящих красок, тщательно отделанные картины того, что мог бы я сделать в этом мире силой своего кошелька, еслиб вернул себе тень. Уперев локти в колени, закрыв лицо руками, внимал я Лживому. Сердце мое колебалось между соблазном и твердой волей. Я не мог выдержать больше этой раздвоенности и начал решительный бой.

— «Вы кажется забыли, государь мой, что я позволил вам сопровождать меня с тем только, что вы предоставите мне полную свободу». — «Прикажите, я скроюсь. — Это была обычная его угроза. Я замолчал; он сейчас же принялся скатывать мою тень. Я побледнел, но не протестовал. Наступило долгое молчание. Он первый начал:

— «Вы не переносите меня, вы ненавидите

меня, я знаю это. Но почему вы меня ненавидите? Не потому ли, что среди бела дня напали на меня и думали украсть у меня гнездо-невидимку? Или потому, что хотели воровским способом присвоить себе мое добро, тень, доверенную, как вы думали, только вашей честности? Я, со своей стороны, и не думаю вас за это ненавидеть; я нахожу естественным, что вы старались использовать все свои выгоды, силы и хитрость; а что у вас во всем прочем самые строгие правила, и что вы рассуждаете, как сама честность, это только своего рода забава, против нее я тоже ничего не имею. В сущности, я не так строго рассуждаю, как вы; я только поступаю так, как вы думаете. Разве я сжал вам хоть раз горло, чтобы заполучить вашу ценную душу, желанную мне? Разве я ради промененного кошелька науськивал на вас слугу, как вы? Пытался ли я скрыться с ним?» — Я ничего не мог возразить; он продолжал: «Хорошо, государь мой, хорошо! Вы не терпите меня; я и это понимаю и не упрекаю вас. Нам нужно расстаться, это ясно, и вы уж начинаете мне надоедать. Чтобы отделаться окончательно от моего дальнейшего позорящего вас присутствия, я предлагаю вам еще раз; купите у меня эту вещь». — Я протянул ему кошелек: «Этой ценой». — «Нет!» — Я тяжело вздохнул и снова начал: «Так, так. Я настаиваю, государь мой, расстанемся, не мешайте мне идти своим путем в этом мире, он достаточно велик для нас». — Он усмехнулся и ответил: — «Я удаляюсь, государь мой, но прежде хочу наставить вас, как вам меня позвонить, если вы почувствуете нужду в вашем покорном слуге. Потрясите только свой кошелек, чтобы вечные золо-

тые забр
немедле
своей в
потому
силу. О
тень, о
нами. С
повеле
знаете,
в особ
тень в
вам эт

При
быстро
господ
такого
была
знать!
вытащ
ную ф
вепа
Dei ju
sum *
ший
слова

—
скрой
мои!»
О
дами

*)
был

тые забренчали в нем, звук этот привлечет меня немедленно. Всякий на этом свете думает о своей выгоде; вы видите, я забочусь и о вашей, потому что, очевидно, открываю вам новую силу. О, этот кошелек! И еслиб моль с'ела вашу тень, он был бы всетаки сильной связью между нами. Словом, вы держите меня за мое золото, повелевайте же и издали вашим слугой; вы знаете, как услужлив я с друзьями, а богатые в особенности близки мне; вы сами видели. Но тень вашу, государь мой, — позвольте сказать вам это—не иначе, как с одним условием».

Призраки прошлого встали в мой душе. Я быстро спросил его: — «Была у вас подпись господина Джона?» — Он усмехнулся. — «От такого хорошего друга она совсем и не нужна была мне». — «Где же он? Ради Бога, я хочу знать!» — Он, колеблясь, сунул руку в карман и вытащил оттуда за волосы бледную, искаженную фигуру Томаса Джона, и синие губы мертвеца зашептали тяжкие слова: — „*Iusto iudicio Dei iudicatus sum; Iusto iudicio Dei condemnatus sum*“*). Я ужаснулся, и быстро кинув звякнувший кошелек в пропасть, сказал ему последние слова:

— «Заклинаю тебя именем Бога, Ужасный, скройся и не показывайся больше на глаза мой!».

Он мрачно поднялся и тотчас исчез за горами скал, окружавшими дикие заросли.

*) Латинская фраза: „Праведным судом божьим судим был я; праведным судом божьим осужден“.

IX.

Так сидел я без денег и без тени; но тяжкий гнет был снят с моего сердца, я был весел. Не потеряй я своей любви или чувствуй себя невинным в потере ее, я мог бы быть счастлив—но я не знал, что предпринять. Обыскав карманы, нашел я в них еще несколько золотых; я пересчитал их и засмеялся. Лошадь моя была внизу в гостинице, но мне было стыдно возвращаться за нею, нужно было, по крайней мере, подождать захода солнца; оно еще высоко стояло в небе. Я улегся в тени ближайших деревьев и спокойно заснул.

Миловидные картины, колыхаясь в воздушной пляске, сплетались в красивое сновидение. Минна с венком на голове, приветливо улыбаясь, проплыла передо мной. Бендель, тоже украшенный цветами, дружески кивая, прошел мимо меня. Еще многих видел я, и, как мне мнится, и тебя, Шамиссо, в далекой толпе; сиял лучистый свет, но ни у кого не было тени, и, что всего удивительней, это не было противно, — цветы и песни, любовь и радость под сенью пальм. Я не смог ни удержать, ни различить подвижных, легковейных, прелестных образов; но я знаю, охотно смотрел я на этот сон и боялся проснуться; я на самом деле уже проснулся, но не открывал глаз, чтобы удержать в душе подольше уносившиеся образы.

Наконец, я открыл глаза; солнце было еще на небе, но на востоке; я проспал всю ночь. Я принял это за знамение не возвращаться в гостиницу. Легко примирился я с потерей того, что было у меня там, и решил, предоставляя

своей с
пешкой
систой
не дум
мною б
сделать.

Я за
был за
скромн
уже по
как, то
мне под
фуражк
нялся,
тую па

В ле
ветливо
в разг
шеств
стране
и о то
ливо о
ного
когда-т

Всей
простра
Но пос
вился и
рию оп
не хват
как же
тени!»
вздохн
болезн
Взгляни
у меня

своей судьбе делать, что хочет, отправиться пешком, по проселочной дороге, шедшей по лесистой подошве гор. Я не оглядывался назад и не думал вернуться к Бенделю, оставленному мною богатым человеком, что легко мог бы сделать.

Я задумался о положении, которое должен был занять на свете. Костюм мой был очень скромн; на мне была старая черная куртка, уже поношенная мною в Берлине, и не знаю как, только в этой поездке снова попавшаяся мне под руку. На голове у меня была походная фуражка и пара старых сапог на ногах. Я поднялся, вырезал себе тут же на память суковатую палку и начал свои скитанья.

В лесу встретился я с крестьянином, приветливо поклонившимся мне, и вступил с ним в разговор. Сперва, как любознательный путешественник, осведомился я о дороге, потом о стране и жителях, о промышленности в горах и о тому подобном. Он разумно и словоохотно отвечал мне. Мы подошли к руслу горного потока, опустошившего и размывшего когда-то большой кусок леса.

Всей душой ужаснулся я этого солнечного пространства и пропустил крестьянина вперед. Но посреди этого опасного места он остановился и обернулся, чтобы рассказать мне историю опустошения. Он быстро заметил чего мне не хватало и посреди речи остановился.—«Но как же это вышло, что у господина нету тени!» — «Да! Да! к сожалению», — сказал я, вздохнув.—«Во время одной жестокой долгой болезни у меня вылезли волосы, ногти и тень. Взгляните, дедушка, в мои лета, волосы отрасли у меня седые, ногти короткие, а тень все еще

не хочет отрастать.—«Ой, ой!»—сказал старик, покачав головой.—«Нету тени, это плохо! Злую же болезнь перенесли вы, господин!»—Но он уже не продолжал своего рассказа и на ближайшем перекрестке ушел, не сказав мне ни слова. Горькие слезы вновь задрожали на щеках моих, и бодрость моя исчезла.

С тяжестью в сердце продолжал я свой путь и не искал больше общества людей. Я держался в самом темном лесу и иногда часами стоял перед клочком, залитым солнцем, выжидая, чтобы не подсмотрел меня ни один человеческий глаз. По вечерам я искал пристанища в деревнях. Я направлялся собственно к копиям в горах, где думал найти работу под землей: потому что не говоря уже о том, что теперешнее мое положение вынуждало меня заботиться о хлебе насущном, я понял, что только напряженный труд может защитить меня от страшных дум.

Несколько пасмурных дней быстро подвинули меня на моем пути, но ценой сапог, подошвы которых рассчитаны были на графа Петера, а не на бродячего рабочего. Я шел уже босиком. Мне пришлось запастись новыми сапогами. На следующее утро с тщательным разбором приобрел я их в местечке, где была ярмарка и где в одной лавочке продавались и старые, и новые сапоги. Я долго выбирал и торговался. Я принужден был оставить свои притязания на пару понравившихся мне новых сапог; дорогая цена испугала меня. Я удовлетворялся старыми, еще достаточно крепкими и хорошими. Их вручил мне за наличные, с пожеланием счастливого пути, с ласковой улыбкой, белокурый мальчик, державший лавку. Я

тотчас
север
Я
видел
рассч
не зн
двух
я ог
бору,
пор.
среди
нелом
ледян
оглян
сколи
тиши
лед
давя
ризо
что
уско
ных
океа
нули
прав
скал
неск
нест
пре
тов
рел
я м
что
за,
(
пос

тотчас обулся в них и вышел из местечка через северные ворота.

Я сильно углубился в свои думы и почти не видел куда ступаю, так как думал о копиях, куда рассчитывал добраться еще сегодня вечером, и не знал, как назваться там. Я не прошел еще и двухсот шагов, как заметил, что сбился с пути; я оглянулся и увидел себя в старом еловом бору, где, казалось, еще никогда не стучал топор. Я сделал еще несколько шагов и очутился среди пустынных скал, поросших мохом и камнеломной травой, а среди них были снежные и ледяные поля. Воздух был очень холодный, я оглянулся—лес исчез позади. Я сделал еще несколько шагов—вокруг меня царил мертвая тишина, насколько хватал глаз простирался лед, на котором стоял я, окруженный густым давящим туманом; кровавое солнце было у горизонта. Холод был непереносимый, я не знал, что случилось со мной, мороз принудил меня ускорить шаги, я слышал только рев отдаленных вод; шаг, — и я был на ледяном берегу океана. Неисчислимые стада тюленей шумно кинулись в волны при моем приближении. Я направился вдоль берега, снова увидел я голые скалы, равнины, березовые и сосновые леса, еще несколько минут бежал я прямо вперед. Стало нестерпимо жарко, я оглянулся: я стоял среди прекрасно возделанных рисовых полей под тутовыми деревьями. Я присел в их тени, посмотрел на часы: четверть часа тому назад покинул я местечко... Я думал, что сплю и укусил язык, чтобы проснуться; но я не спал. Я закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями.

Странные слова, в нос произносимые кем-то, слышались надо мной; я взглянул; два ки-

тайца, несомненных уже по азиатскому тину лица, еслиб я и сомневался в одежде, обращались ко мне с приветствиями на языке страны; я встал и отступил на два шага назад. Я не видел их больше; ландшафт совсем изменился; вместо рисовых полей, деревья, леса. Я осмотрел деревья и травы, растущие вокруг меня; те из них, которые я знал, были растениями юго-восточной Азии; я хотел подойти к дереву, шаг—и снова все переменялось. Я пошел тогда, как рекрут на ученьи, медленным размеренным шагом. Чудесно изменялись страны, долины рек, нивы, горы, степи, песчаные пустыни разворачивались перед моим удивленным взором... Не было сомненья: на ногах у меня были сапоги-семиверсты.

X.

В немом благоговении упал я на колени и пролил слезы благодарности, потому что вдруг душе моей выяснилось ее будущее. Исключенный за раннюю вину из людского общества, я был вознагражден сближением с природой, всегда любимой мною. Земля предстала мне богатым садом, изучение ее вело меня, укрепляя и направляя мою жизнь, к ее цели—к знанию. У меня не было предвзятого решения. Но с тех пор я пробовал изображать, неусыпно, тихо и строго трудясь, все открывшееся в первообразе с такой законченностью и ясностью моему внутреннему оку, и удовлетворение мое самим собою зависело всецело от совпадения первообраза с изображенным мною.

Я вскочил, чтобы без промедления осмотреть беглым взглядом поле своей будущей жатвы. Я

стоял
перед
няло
ствова
его в
осмат
раз в
миды
далек
то ж
стало
в то
ступн
посел
У
ропу,
ции,
льдам
ее ма
стро
на се
Я
ступи
свои
кам
извес
го ш
на в
через
горы
прол
ных
но з
вов

стоял на вершинах Тибета, и солнце, взошедшее передо мной несколько часов тому назад, склонилось здесь уже к вечернему небу; я простоял через Азию с Востока на Запад, догоняя его в беге, и вступил в Африку. Любопытно осматривался я там, пройдясь по ней несколько раз вдоль и поперёк. Глазая на древние пирамиды и храмы Египта, увидел я в пустыне, недалеко от стовратных Фив, пещеры, где когда-то жили христианские отшельники. Вдруг мне стало ясно—здесь твой дом. Я выбрал скрытую, в то же время просторную, удобную и недоступную шакалам пещеру и, решив в будущем поселиться в ней, продолжал свой путь дальше.

У Геркулесовых столбов я перешагнул в Европу, и осмотрев ее южные и северные провинции, прошел из Северной Азии по полярным льдам в Гренландию и Америку. Я пробежал оба ее материка, и зима, царившая уже на юге, быстро прогнала меня с мыса Горн по направлению на север.

Я подождал, пока в восточной Азии не наступил день, и, немного отдохнув, продолжал свои скитанья. Я проследовал по обоим Америкам вдоль горной цепи, включающей в себя все известные самые высокие возвышенности земного шара. Шагал я тихо и осторожно с вершины на вершину, то через пламенные вулканы, то через снежные головы; запыхавшись достиг я горы св. Ильи *) и перешагнул через Берингов пролив в Азию. Я направился вдоль ее восточных извилистых берегов и особенно внимательно замечал, какие из расположенных там островов доступны мне. С Малакского полуострова

*) Вулкан св. Ильи (Mount Saint Elias) в Аляске.

сапоги мои перенесли меня на Суматру, Яву, Ба-ли и Ламбок, я попробовал, с опасностью жизни, проложить себе дорогу через мелкие островки и скалы, которыми изобилует здесь море, на северо-запад на Борнео и другие острова этого Архипелага, но тщетно. Я должен был оставить эту надежду. Усевшись, в конце концов, на самом краю Ламбока и повернув лицо к юго-востоку, я горько заплакал, точно у накрепко запертой решетки своей темницы, о том, что так скоро нашел границу своим желаниям.

Столь важные, для понятия земли и ее солнечной оболочки, столь насущно необходимые для постижения животного и растительного мира, Новая Голландия и Южное море с его Зондскими островами, были закрыты для меня, и таким образом, все, что должен был я собрать и построить, уже заранее было обречено остаться только фрагментом. О, мой Адальберт, как жалки все старания человека!

Часто суровой зимой южного полушария пробовал я пройти по полярным льдам к востоку от мыса Горн те двести шагов, отделявшие меня от земли Ван-Димен и Новой Голландии, не заботясь о возвращении, согласный на то, чтобы эта скверная страна захлопнулась надомной, как крышка гроба. С безумной смелостью шагал я отчаянными шагами по пловучим льдам, борясь с морозами и с морем. Тщетно.—я не мог достигнуть Новой Голландии,—каждый раз возвращался я на Ламбок, снова садился на самый край его и снова плакал, повернув лицо к западу и к югу, как перед наглухо запертой решеткой своей темницы.

Наконец я оторвался от этого места и с печалью в душе вновь вступил во внутреннюю

Азик
ренн
к св
туди
К
чалс
рест
маз,
что-
свой
фел
ожн
соб
с н
от
Мо
нос
ном
кие

пос
сть
ше
ри
до
бы
ста
но

те
ре
на
ни
но
се
тр

Азию; я пробежал ее и, преследуя на западе утреннюю полумглу, еще ночью пришел в Фивы к своему дому, оставленному вчера после потудня.

Когда я немного отдохнул, а в Европе начался день, я первым делом позаботился приобрести все необходимое мне. Прежде всего тормаз, так как я испытал, как неудобно, исследуя что-нибудь, не иметь возможности укоротить свой шаг иначе, как снимая сапоги. Пара туфель, надетая поверх сапог, вполне достигала ожидаемой цели. Впоследствии я носил всегда с собой две пары, так как нередко скидывал их с ног не успевая поднять, когда спугивали меня от занятий ботаникой львы, люди или гиены. Мои хорошие часы, благодаря непродолжительности моих переходов, стали великолепным хронометром. Мне нужен был еще сектант, кой-какие физические инструменты и книги.

Я приобрел их несколькими осторожными посещениями Парижа и Лондона во время густых туманов. Когда исчез остаток моего волшебного золота, я платил легко находимой африканской слоновой костью, причем, правда, должен был выбирать не очень большие куски, бывшие мне по силам. Вскоре я обзавелся и обставился всем необходимым и тотчас начал свою новую жизнь — частно-практикующего ученого.

Я бродил по земле, то измеряя ее высоты, то температуру ключей и воздуха, то наблюдая зверей, то исследуя растения; я спешил с экватора на полюс, из одной части света в другую, сравнивая наблюдения с наблюдением. Моей обычной пищей были яйца африканского страуса или северных морских птиц и плоды, в особенности тропические, — пальмовые или банановые. Сур-

рогатом счастья служила мне *Nicotiana* *), а участие людей и связи человеческие, заменяла любовь моего верного пуделя, охранявшего мою пещеру в Фивах. Когда я возвращался, нагруженный новыми сокровищами, он радостно прыгал вокруг меня и давал мне по-человечески чувствовать, что я не одинок. Но одному случая суждено было снова вернуть меня к людям.

XI.

Как-то раз, когда я, затормозив свои сапоги, собирал на северных берегах лишаи и водоросли, навстречу мне неожиданно, из-за скал, показался белый медведь. Скинув туфли, думал я перейти на близлежащий островок. Переходом на него послужила бы мне торчащая по середине из моря голая скала. Одной ногой я крепко стал на скалу, но другой ногой погрузился в море, так как не заметил, что туфля застряла на сапоге.

Страшный холод охватил меня, с трудом спас я свою жизнь; выбравшись на землю, я побежал как только мог скоро, в ливийскую пустыню посушиться на солнце. Но едва я очутился под его лучами, мне так опалило голову, что, совсем больной, шатаюсь, опять поспешил на север. Я думал найти облегчение в сильных движениях и валкми, быстрыми шагами бегал то с востока на запад, то с запада на восток. Я оказывался то на дневном свете, то в ночной темноте, то в летней жаре, то в зимней стуже.

Не знаю, долго ли метался я так по земле. Жгучая лихорадка струилась по моим жилам, я

*) Т. е. табак. Шамиссо был страстным курильщиком.

со страхом заметил, что сознание покидает меня. К тому же,—надо было случиться такому несчастию,—я, бегая очень неосторожно, наступил кому-то на ногу. Должно быть, я сделал ему больно; страшный толчок сшиб меня с ног.

Когда я пришел в себя, я удобно лежал на хорошей кровати, стоявшей, как и много других, в просторном красивом зале. Кто-то сидел у меня в головах. По залу от одной кровати к другой ходили люди. Они подошли к моей кровати и стали говорить обо мне. Они называли меня номером двенадцатым, хотя у моих ног на стене было написано, без сомнения, я свободно мог это прочесть, на черной мраморной доске большими золотыми буквами совершенно правильно мое имя Петер Шлемиль.

На доске под моим именем было еще два ряда мелких букв, но я был черезчур слаб, чтобы разобрать их, и снова закрыл глаза.

Я слышал, как ясно читалось что-то, где речь шла о Петере Шлемиле, но не мог уловить смысла; я видел приветливого человека и очень красивую женщину в черном платье около своей постели. Образы их были мне не чужды, но я все-таки не мог их узнать.

Прошло некоторое время, и снова силы вернулись ко мне. Я звался номером двенадцатым и номер двенадцатый из-за своей длинной бороды считался евреем, что нисколько не мешало заботливому уходу за ним. Кажется, осталось незамеченным, что у него нет тени. Сапоги мои, как сказали мне, надежно и хорошо сохранились, как и все найденное при мне, когда меня привезли сюда. По выздоровлении я мог получить их обратно. Место, где я лежал больной,

называлось «Шлемилиум» *), то, что ежедневно читалось о Петере Шлемиле, было приглашением молиться за него, как за благодетеля и основателя этого учреждения. Приветливый человек, которого я видел у своей постели, был Бендель, а красивая женщина—Минна.

Неузнанный выздоравливал я в Шлемилиуме, и узнал еще больше: я находился в родном городе Бенделя. Здесь он на остатки моего, в других случаях не благословенного, золота основал от моего имени это учреждение, где благословляли меня несчастные, и сам смотрел за ним. Минна вдовела. Несчастный уголовный процесс стоил господину Раскалю жизни, а ей самой большей части состояния. Ее родителей не было уже в живых. Здесь жила она богобоязненной вдовой и упражнялась в делах благотворительности.

Однажды она разговаривала у постели номера двенадцатого с господином Бенделем:—«Почему вы хотите остаться здесь и дышать этим часто вредным и злокачественным воздухом? Или судьба так жестока к вам, что вы хотите умереть?» — «Нет, господин Бендель, проснувшись от долгого сна, пробудившись в самой себе, я чувствую себя хорошо и не желаю, но и не боюсь больше смерти. С тех пор я без горечи думаю о прошедшем и будущем. Разве вы не с тихим душевным счастьем, так богоугодно служите своему господину и другу?»—«Благодаренье Богу, да, я служу ему, госпожа. Судьба наша всетаки чудесна, много счастья и горько-

*) Такими полулатинскими названиями в Германии часто называются больницы, санатории и тому подобные благотворительные и общепользные учреждения по имени основателей или щедрых жертвователей.

го гор
кубка.
мать, ч
мудры
Совсем
не хоч
но все
жизнь
нашем
чем т
вдова,
Это
впечат
узнати
шился
сал:
«И
тогда,
прими
По
чувств
леньк
Все м
ся, н
чески
много
запис
уже
К
гой,
му,
мне
зало
не д
звал
трог

го горя выпили мы, не задумываясь, из полного кубка. Теперь он пуст; и можно было бы думать, что все это было только испытанием, и с мудрым разумением ждать настоящего начала. Совсем другим оказалось настоящее начало, и не хочется уже вернуть прежней пустой игры, но все же, в общем, радуемся мы, что прожили жизнь так, как было. Я почему-то верю, что и нашему старому другу теперь лучше живется, чем тогда». — «И я тоже», — сказала красавица-вдова, и они прошли мимо.

Этот разговор произвел на меня глубокое впечатление; но я колебался, дать ли себя узнать, или уйти неузнанным. Наконец, я решился. Я попросил бумаги и карандаш и написал:

«И вашему старому другу живется лучше, чем тогда, и если искупает он, то это искупление — примирение».

После этого я попросил одеться, сказав, что чувствую себя окрепшим. Принесли ключ от маленького шкапчика, стоявшего у моей кровати. Все мне принадлежавшее я нашел там. Я оделся, нацепил поверх черной куртки свой ботанический ящик, где с радостью увидел собранные мною северные лишай, надел сапоги, положил записку на кровать, и едва открылась дверь, я уже был далеко, по пути к Фивам.

Когда вдоль сирийского берега шел я дорогой, по которой в последний раз вышел из дому, увидел я своего бедного Фигаро, бегущим мне навстречу. Этот превосходный пудель, казалось, хотел идти по следам своего хозяина, не дождавшись его дома. Я остановился и позвал его. Он с лаем бросился ко мне, с тысячью трогательных проявлений своей невинной, не

сдержанной радости. Я взял его под мышку, потому что он ведь не мог бы поспеть за мной, и снова принес домой.

Я нашел там все в прежнем порядке и по-немногу стал возвращаться, по мере того, как возрастали силы, к своим прежним занятиям и образу жизни. Только целый год избегал я совершенно вредного мне полярного холода.

Так, мой милый Шамиссо, я живу и по сегодня. Сапоги мои не изнашиваются, как не раз заставлял меня вначале опасаться этого очень ученый труд знаменитого Тикнуса «*Degebusgestis Pollicilli*». *). Сила их не пропадает; только мои силы уменьшаются; но мне служит утешением, что я использовал их не бесплодно, идя предначертанным путем.

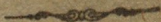
Я, насколько хватило моих сапог, основательно изучил, как еще ни один человек до меня, землю, ее форму, ее высоты, температуру; переменность ее атмосферы, проявления магнитных сил, жизнь на ней, в особенности же царство растений. С возможной точностью, в строгом порядке изложил я факты во многих работах, и в нескольких рассуждениях изложил свои взгляды и умозаключения. Я определил географию центральной Африки, северных полярных стран, центральной Азии и ее восточных берегов. Моя «*Historia stirpium plantarum utriusque orbis*» *) является большим фрагментом

*) Здесь разумеется трехактная драма-сказка немецкого поэта Людвиг Тика (1773—1853) «Жизнь и деяния маленького Фомы, мальчика с пальчик» (по латыни *pollicillus*). В этой сказке одно из действующих лиц утверждает, что после каждой починки шаг сапог-семиверсток укорачивается на одну версту (точнее — милю).

**) Латинское название вымышленного труда: «История корей растений обоих полушарий».

труда
моей
только
извест
стемат
прилеж
озабоч
были
тебя,
лем м
после
жить
ем. Т
людей
лота.
для с
совет

труда «Flora universalis terrae» *)² и частью моей «Systema naturae» **). Я думаю, что не только увеличил более чем на одну треть число известных видов, но и сделал кое-что для систематизации и географии растений. Теперь я прилежно работаю над своей фауной ***). Я озабочусь, чтобы перед смертью рукописи мои были переданы берлинскому университету. А тебя, мой милый Шамиссо, выбрал я хранителем моей чудесной истории чтобы она могла, после исчезновения моего с лица земли, послужить не одному жителю, ее полезным поучением. Ты же, мой друг, если хочешь жить среди людей, научись ценить свою тень больше золота. Если же хочешь жить только для себя и для своего лучшего я, о, тогда тебе не нужны советы.

*) Общая земная флора

**) Система природы.

***) Царство животных

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие	5—9
Глава I	11—19
" II	19—26
" III	26—31
" IV	31—42
" V	42—50
" VI	50—56
" VII	56—61
" VIII	61—67
" IX	68—72
" X	72—76
" XI	76—81

Издательство „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“.

Состоящее при Народном Комиссариате по Просвещению издательство „*Всемирная Литература*“ ставит своей задачей дать в переводе на русский язык все наиболее выдающиеся произведения мировой художественной литературы, начиная с конца XVIII века и до наших дней.

С этой целью издательство „*Всемирная Литература*“ выпускает в свет две серии книг: основную и народную библиотеку.

Основная библиотека включает в себе собрание сочинений европейских, американских и колониальных писателей, избранных с таким расчетом, чтобы книги этой серии по окончании издания составили систематически подобранную библиотеку, могущую служить не только материалом для чтения, но также пособием к изучению истории мировой литературы во всем разнообразии ее национальных оттенков, литературных школ, течений и художественных форм изложения.

Составляя неразрывные части единого целого, книги основной библиотеки бу-

Издательство „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“.

дуг по техническим условиям выходить вне порядка, указанного в каталоге, а в зависимости от времени их напечатания.

Общее количество книг основной библиотеки—около 1500 томов. Средний размер тома—около 20 печатных листов (320 стр.).

Народная библиотека состоит из небольших по объему книг, доступных пониманию и восприятию самых широких масс русской демократии.

Пользуясь художественной литературой, как могучим средством культурного воздействия и международного единения, народная библиотека имеет целью познакомить читателя с наиболее интересными особенностями исторических судеб, культуры, быта и психики европейских наций, а главное—с теми сокровищами веками накопленных знаний и культурных навыков, которые, являясь достоянием всего человечества, служат надежным залогом братства всех людей—залогом грядущего Интернационала.

Количество книг народной библиотеки—около 2500 томов. Размер отдельного тома—около 4 печ. листов (64 стр.).

Книги обеих библиотек снабжены необходимыми пояснениями и вступительными

РА".
не
и-
о-
р
).
е-
и-
с
е,
-
Издательство „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“.

статьями как историко-литературного, так и общеобразовательного содержания.

В первую очередь выйдут в свет переводы с французского, английского, немецкого, итальянского, испанского, португальского, шведского, норвежского, датского и голландского языков. Вторую очередь составляет литература западных славян, мадьяр, а также отдельная обширная серия литератур и словесности Востока.

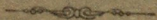
Заведующие Издательством: *М. Горький, Э. М. Гржебин, М. Л. Ладыхников, А. А. Тихонов.*

Редакционная Коллегия экспертов:
Ф. Д. Батюшков, А. А. Блок, Ф. А. Браун, А. Л. Волинский, М. Горький, А. С. Гумилев, Е. И. Замятин, А. Я. Левинсон, Г. Л. Лозинский, А. А. Тихонов, К. Чуковский.

В редакционной работе принимают участие:

Е. А. Агамов, В. А. Азов, Ю. И. Айхенвальд, А. В. Амфитеатров, А. М. Аничкова, Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, А. А. Бенуа, Е. М. Браудо, В. А. Брим, А. А. Брок, В. Я. Брюсов, Э. А. Венгерова, А. В. Ганзек, М. О. Гершензон, А. А. Ги-

зетти, Э. Ж. Туппиус, Л. П. Тнедич,
 М. М. Тревс, Р. Т. Тригорьев, Б. А. Трифцов,
 П. К. Тубер, А. Ф. Даманская, Ю. Ж. Данзас,
 О. А. Добиаи, М. А. Жирмунский, Б. Я. Жу-
 ховецкий, С. М. Зарудный, Ф. Ф. Зелин-
 ский, Вяч. Иванов, В. П. Измакова, Вл. Ка-
 ренин, Л. Л. Карсавин, Л. С. Коган, А. Ф. Ко-
 ни, М. А. Кузмин, А. М. Куприн, М. Е. Лев-
 берг, Ж. О. Лернер, Е. Т. Леткова, М. Л. Ло-
 зинский, А. В. Луначарский, Е. Т. Лунд-
 берг, М. М. Манухина, Л. П. Муратов,
 С. Ф. Ольденбург, Л. П. Перцов, С. А. Поляков,
 Ж. И. Потапенко, С. Э. Радлов, Э. Л. Ра-
 лов, А. М. Ремизов, А. Ж. Римский-Корса-
 ков, А. Ж. Серебров, Б. П. Сильверсван,
 Ф. Сологуб, В. В. Струве, Я. Тугендхольд,
 Т. П. Федотов, Ж. Холодковский, В. Ф. Хо-
 гасевич, М. Цветаева, А. Ж. Чеботаревская,
 В. А. Чудовский, Ж. Л. Шапир, В. К. Ши-
 лейко, С. М. Штейн, С. В. Штейн, Б. М. Эйхен-
 баум и др.

Издательство „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“.

ВЫШЛИ В СВЕТ И ПРОДАЮТСЯ.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА:

<i>А. Лесаж</i>	— Хромой бес. Тюркаре.
<i>Г. де-Мопассан</i>	— Милый друг.
"	— Сильна как смерть.
<i>А. Франс.</i>	— Остров Пингвинов.

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА:

№№

1. <i>О. Мирбо</i>	— Деревенские рассказы.
2. <i>Мультатули</i>	— Рассказы.
3. <i>Марк Твен</i>	— Приключения Тома.
4. <i>Г. Д'Аннунцио</i>	— Пескарские рассказы.
5. <i>А. Шамиссо</i>	— Петер Шлемиль.
6. <i>А. Франс</i>	— Дело уличного торговца.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА:

<i>Ч. Диккенс</i>	— Повесть о двух городах.
"	— Наш общий друг.
"	— Большие ожидания.
"	— Жизнь и приключения
Николая Никкльби.
"	— Жизнь и приключения
Мартина Чеззльвита.
"	— Домби и Сын.
<i>А. Лесаж</i>	— Жиль Блаз.
<i>Г. Флобер</i>	— Саламбо.
"	— Воспитание чувства.
<i>Вальтер Скотт</i>	— Уэверли.
"	— Роб-Рой.

Гонкур	— Братья Земганно.
Б. Ибаньес	— Власть мертвых.
Лили Браун	— Письма маркизы.

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА:

Марк Твен	— Принц и нищий.
Б. Ибаньес	— Валенсианские расск.
Вальтер Скотт	— Черный карлик.
Г. Уэллс	— Спящий пробуждается.
"	— Машина времени.
"	— Невидимка.
"	— Борьба миров.
А. Франс	— Чудо св. Николая.
"	— Сказка о сорочке.
М. Сьерра	— Благословенная весна.
А. Нордстрем	— Обыватели.
Дж. М. Бэрри	— Белая птичка.
Г. Р. Хапард	— Копи царя Соломона.
Г. Деледда	— Сардинские рассказы.
Г. ав-Гейерстам	— Любовь и др. рассказы.
Ю. Юриенсон	— Африканские рассказы.
О. Гольдсмит	— Векфильдский священник.
Г. Федерер	— Прометей и др. расск.
Д. Лондон	— Сын волка.
И. Бани	— Четыре дьявола.
И. Иенсен	— Гиммерландские расск.
О. Уайльд	— Сказки.
"	— Гранатовый дом.
"	— Рассказы.
Вальтер	— Задиг.
С. Т. Кольридж	— Поэма о старом моряке.
Робин Гуд	— Поэма.

